

Андрей Кивинов
при участии **Сергея Лукьяненко**

НОЧЬ НАКАНУНЕ

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Евгений Зубарев
Андрей Владимирович Кивинов
Сергей Лукьяненко
Сергей Гуреев
Никита Александрович Филатов
Ночь накануне

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17201974
Ночь накануне: 2009

Аннотация

Двенадцать обычных людей общаются в чате. И узнают, что эта ночь – последняя для человечества. Но у них есть шанс предотвратить катастрофу.

Двенадцать отчаянных попыток спасти мир. Никто из них не уверен – взойдет ли солнце.

Ночь накануне...

Содержание

Сергей Лукьяненко	4
Андрей Кивинов	18
Андрей Кивинов	94
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Ночь накануне

Сергей Лукьяненко

Ночь накануне. Пролог

Чат был маленьким.

Толик помнил вечера, когда на чат заходили случайные люди. Порой их набиралось два-три десятка, но всё это были случайные бродяги Интернета. С равной легкостью они обсуждали компьютерное железо, происки американских политиканов, родной российский бардак и вкус нового сорта пива. Надолго они в чате не задерживались. Нет, их никто не гнал, но через час-другой случайные гости уходили. Как правило – навсегда. Некоторые возвращались, но редко кто оставался надолго.

Чат был странным.

Конечно, здесь хватало и пустого трепа, и жарких дискуссий, переходящих в вялую ругань. Но было что-то еще – и вот это «что-то» Толик никак не мог для себя сформулировать. В тридцать лет он заслуженно считал себя опытным странником Интернета, имел десяток любимых ирс-каналов и веб-чатов (тихо презирая последние за популизм), умел отбиваться от атак малолетних компьютерных хулиганов, начитавшихся свежего «Хакера», а при случае и сам был

способен «уронить» чужой компьютер. Работа системным администратором в музее давала Толику не слишком много презренного металла, зато избыток свободного времени, неограниченный Интернет и даже навороченный компьютер, купленный администрацией с какого-то западного гранта. Охрана давно свыклась с его ночными бдениями у монитора и ничего против не имела – двум крепким парням, коротающим рабочее время за игрой в «Квэйтк», постоянно требовалась помощь специалиста, знающего местонахождение «Эни кей».

В общем, Толик по праву считал себя завсегдаем ночных бесед в Сети.

Именно поэтому чат его смущал.

Нет, как правило, беседы были самые обычные, а темы – самые банальные. Но иногда завязывались дискуссии, которые трудно себе вообразить в три часа ночи. Вдруг начиналось обсуждение апокрифических Евангелий, вызывающее у неверующего Толика легкую растерянность. Едва он успевал найти в Сети тексты и попытаться вникнуть в предмет спора, как тот легко сворачивал на сравнение позиций Юнга и Фрейда в вопросе о роли религии в обществе. Проклинав всех философов и психологов на свете, Толик забирался в «библиотеку Мошкова» в поисках Юнга, но обнаруживал, что разговор уже перешел на более вольные темы – о возможной разумности дельфинов и не менее вероятной неразумности людей. Прочитав длинейший пассаж о том, что вся че-

ловеческая деятельность сводится к переработке одной формы энергии в другую, то есть к хорошему пищеварению, Толик собирался уже было уйти, но тут кто-нибудь переходил к любопытным рассуждениям о проявлениях детского инфантилизма в деятельности организованных преступных группировок. И это было пускай и странно, но уже на самом деле интересно и смешно.

Конечно, можно было предположить, что в чате собрались яйцеголовые, интеллектуалы, которым только дай поговорить на заумные темы. Но ведь что-то привлекало и самого Толика, привлекало и тревожило одновременно. Будто за всеми разговорами постоянно угадывалось что-то большее... что-то недоговоренное...

Вот и сейчас, глядя в выпрыгивающие на экран строчки, Толик пытался понять, что же собрало их всех вместе. Время было еще раннее – пять минут двенадцатого, обычно в это время народ только начинал подтягиваться. Но сегодня все завсегдатаи собрались пораньше. Вот вошел в чат «Пилот» с Камчатки, у него с учетом восьмичасовой разницы уже было утро. Видимо, пришел на работу пораньше.

– Привет, пилот, – автоматически отбил Толик. Прикручивать к браузеру автоматическую «здоровалку» он считал профанацией самой идеи приветствия.

– привет пиплы, – как всегда, не соблюдая строчных букв и знаков препинания ответил Пилот. – привет тол.

Вроде бы он и впрямь был пилотом местной авиаком-

пании. А может быть, и нет. Кто может знать наверняка? Его страничка в Интернете была постоянно «в стадии проектирования», а единственная фотография изображала кого-то в форме на фоне самолета.

– Ты уже тут девочка? – Пилот наступал смайликов на полстроки. – как дела как школа?

«Девочка» была московской школьницей, училась в одиннадцатом классе какой-то престижной гимназии. На ее счет Толик испытывал самые большие сомнения – молоденькими девушками чаще всего представляются взрослые мужики.

– Здравствуй, мой рыцарь! – радостно отозвалась Девочка. – Все в порядке? Солнышко встало?

Вот это Толику всегда нравилось. В любом чате люди играют в какие-то игры, но здесь они были самыми приятными. Какими-то трогательными?

Девочка и Пилот играли в свою игру. Девочка «боялась», что солнце зашло навсегда. И каждый вечер она спрашивала друга, встало ли уже солнце на Дальнем Востоке.

Как правило, Пилот ее утешал. Но иногда пугал: «нет! у нас всё еще ночь». А иногда задумчиво сообщал, что небо над сопками затянуто очень-очень плотными облаками, и он не знает, есть ли над ними солнце...

Все-таки это было забавно.

Толик уселся поудобнее, что означало закинутые на стол – рядом с монитором – ноги. Кресло жалобно скрипнуло: лишним весом Толик не отличался, но все-таки парень был здо-

ровый. Поглядывая на экран (после прихода Пилота все оживились), Толик взял бутылку «Невского», открыл, глотнул прямо из горлышка. Хорошо... Вечер только начинается. Спать не хочется. Запас пива и чипсов есть.

– А у нас гроза, – сказал «Старый Еврей». На самом деле он был не очень-то стар, но жил в Иерусалиме.

– Не врешь? – откликнулся «Синоптик». Если не врал, он действительно работал на метеостанции в ближнем Подмосковье и все претензии к сводкам погоды мужественно принимал на свой счет.

– Вру, – печально сообщил Старый Еврей. – Но мне очень хочется грозы. Не подскажешь, будет?

– Нет, – разочаровал Синоптик.

– Не надо было из России валить, – немедленно ожил «Патриот». – Были бы тебе и грозы, и снег!

Патриот тоже был из Москвы. Молодой парнишка, учился на втором курсе в Бауманском. Пикировка со Старым Евреем была его любимым занятием, но то ли чувство такта, то ли собственное еврейское происхождение не позволяли ему переходить опасную черту.

– И град, и мор, и чума, – отстучал одной рукой Толик.

– Благодарю покорно, – отозвался Старый Еврей. – Вы хотели сказать «и глад, и мор», Тол?

– Да как угодно, – отхлебывая пиво, ответил Толик.

В канале продолжали общаться Девочка с Пилотом. Пилот звал подругу в приватный чат, та кокетничала и выража-

ла тревогу за свою невинность.

– Угодно град, – решил Старый Еврей. – Господа, а вам не кажется, что в воздухе что-то носится?

– Простите, это я виноват, – вступил в разговор «Корнеев». – Думал, разойдется.

Корнеев утверждал, что это его настоящая фамилия, а во все не заимствование у Стругацких. Но марку держал: вел себя не просто грубо, как литературный персонаж, а еще и любил всё опошлить.

– Это носятся арабские отравляющие газы! Доставай противогаз! – обрадовался Патриот. – Быстро-быстро!

Но Старый Еврей не был расположен к пикировке:

– Я серьезно, господа. Тревога какая-то. Напряжение. Тоска. Или это у меня одного?

Толик потянулся к клавиатуре, намереваясь описать свое прекрасное настроение, умиротворяющее воздействие пива и...

Он остановил руку.

А ведь Старый Еврей был прав... Что-то давило. Несмотря на пиво, несмотря на полную жизненную безмятежность, несмотря на мирный треп Девочки и Пилота.

– У меня тоже, – отбил он.

И совсем не удивился, когда эту фразу повторил Синоптик, а молчавший до сих пор «Терминатор-2000» ограничился экспрессивным:

– Точно, блин.

Терминатор, по его словам, был крутым компьютерным хакером. Возможно, не врал – кое-что, им показанное, впечатляло. Толика смущало только слишком громкое имя – настоящие крутые парни таких погонял не носят.

– Верно, ребята, – отозвался «Бомонд». Кто он такой – не знал никто. Ходили слухи, что это популярный рок-певец. Некоторые склонялись к мысли, что это сам Пелевин или Акунин. Одно было бесспорным: Бомонд вращался где-то в литературно-музыкально-артистической тусовке – его свежие сплетни, даже самые невероятные, неизменно оказывались правдивыми, а истории – занятными. Впрочем, Толик считал, что вахтер из концертного зала тоже знает немало сплетен...

– И у меня та же задница, – печально сообщил «Колян», веб-дизайнер из Киева. – Не работается, не пьется, не гуляется.

Колян Толику нравился. С ним было проще, чем с остальными. Да и в компьютерном железе он понимал лучше всех. Даже Терминатора.

– Вместо «задница» надо говорить «верхняя часть ноги», чудило! – одернул его Корнеев. – Не видишь, девочка на канале, твою мать!

Отмалчивались только «Чтец» и «Доктор Кеша», явно увлеченные своим диалогом. Оба они казались Толику самыми пожилыми обитателями чата, самыми серьезными и спокойными... Но называть их яйцеголовыми он не решался. Да-

же мысленно. В Сети трудно сохранять пиетет к кому-либо, но перед ними Толик немного робел. Только когда у гуманитариев начинались проблемы с компьютерами и они бросались к спецам за помощью, неловкость проходила.

– Наверное, магнитные бури, – предположил Толик, заранее готовясь к ироничному комментарию Синоптика или Чтеца. – Влияют...

И тут заговорил «Основатель»:

– Сегодняшняя ночь – ночь накануне. Вы это чувствуете.

Толик сдернул ноги со стола и сел прямо. Будто его вольную позу кто-то мог увидеть... Дело в том, что Основатель – тот, кто когда-то создал чат, – говорил не просто редко, а очень редко. На памяти Толика это был третий случай. Еще две реплики Основателя он читал в логах чата. Каждый раз Основатель вступал в разговор после ожесточенных споров, каждый раз высказывался кратко и веско, порождая еще больший спор. Особенно не любили соглашаться с ним Чтец и Доктор Кеша. Но через какое-то время все убеждались, что прав был именно Основатель.

Так что своей реакции Толик не стыдился. Дело и впрямь было невиданное.

– ОЖИЛ ВЕЛИКИЙ МОЛЧАЛЬНИК! – «закричал» Корнеев. И тут же вступил в разговор Чтец:

– Накануне?

В общем-то, Основатель мог закончить разговор. Такое уже случалось – финальная туманная фраза, которая стано-

вилась понятной лишь через какое-то время. Но сегодня Основатель был явно расположен к разговору:

– Именно. Прошу прощения за дискомфорт. В каком-то смысле мы сейчас находимся рядом, и вы чувствуете мое состояние.

– Накануне годовщины изобретения застежки-молнии? Накануне годовщины свадьбы Гитлера и Евы Браун? – связывил Чтец.

Толик хмыкнул, встал с кресла и выглянул в коридор. В дальнем конце, у самого выхода, лежал на полу прямоугольник света из открытой двери. Доносились азартные возгласы. Охранники, похоже, дискомфорта не ощущали. Толик допил пиво, открыл вторую бутылку, вернулся к компьютеру и прочитал выскочившие за это время строчки.

Хорошо, что он успел сесть.

– Охрана ничем не встревожена, Толик, – писал Основатель. – Девочка, мне очень жаль, но солнышка больше не будет. Пилот, твоя ночь накануне уже закончилась. Патриот, я не думаю, что это хорошая идея. Старый Еврей – сочувствую. Не слишком ли много коньяка за вечер, Бомонд? Корнеев, и тебя туда же! Доктор Кеша, ты прав. Терминал – нет, я не перехватываю твой приватный чат с Коляном, это невозможно технически. Синоптик, тебе нет необходимости дописывать это письмо, его не успеют прочесть. Чтец, это событие не отмечено в календаре памятных дат.

Первым заговорил Чтец:

– Основатель, если я правильно понял, ты демонстрируешь каждому из нас свою осведомленность?

– Да.

Толик засмеялся. Потом оглянулся – будто в маленькой комнате кто-нибудь мог спрятаться. Ага. В шкафу. С ноутбуком и радиомодемом. И так – сразу у каждого.

– Ты имеешь в виду ночь накануне конца света? – спросил Доктор Кеша.

– Да.

Толик вдруг понял, что его смущало – больше, чем невыносимая осведомленность Основателя, больше, чем невнятная беспричинная тревога... Вопросы и ответы следовали слишком быстро. Будто исчезли досадливые ретрейны, будто разговор велся без маленьких, но неизбежных задержек.

Почему-то для него, компьютерщика, это было самым возмутительным. Так не бывает! Даже в фантастике о виртуальных мирах.

– Не верю, – коротко резюмировал Пилот.

– Хорошо, – легко согласился Основатель. – Это естественная реакция. Сейчас вы поверите.

Толик опустил бутылку с пивом, из которой так и не успел отхлебнуть. Недоуменно посмотрел на нее.

Что-то изменилось...

Секунду назад в чате шла какая-то игра. Не самая приятная, на его взгляд. Дурная игра. Да к тому же с непонятными правилами. Ну какой конец света, о чем вы?!

Теперь он верил... нет, не верил, а знал. Эта ночь – ночь накануне. Мир погибнет. С первым лучом солнца, которое так ждет Девочка. Не Толик погибнет и не обитатели чата, а весь мир. И не просто погибнет, а гораздо хуже – перестанет существовать во все времена. Будто его и не было. Не перечеркнутый лист с надписью «планета Земля», а чистый. Будто взяли бездарную акварель на хорошем листе бумаги – и безжалостно смыли краски, готовя бумагу к новому рисунку.

– Аналогия со смытой акварелью красива, Толик, – подбодрил Основатель.

– Мамочка... – сказал Толик. У него затряслись руки, он попытался что-то набрать на клавиатуре, но понял, что не попадает по буквам.

– Кто ты, Основатель? – спросил Чтец.

И сразу вопрос Доктора Кеши:

– Ты Бог? Высший космический разум? Кто или что ты?

– Ответ не имеет значения, – ответил Основатель. – Разумеется, с вашей точки зрения.

– Все-таки имеет, – заговорил Старый Еврей. – Я верю твоим словам. Это невозможно, но я верю. Значит, приходится признать, что эта ночь – ночь накануне. Но меня очень интересуют твои права на подобные действия.

– Что изменится? Однажды мы обсуждали этот вопрос и пришли к выводу, что разница между Богом и Высшим Разумом на данный момент неуловима для человечества.

– Не согласен, – парировал Старый Еврей. – Вопрос в этичности такого действия, как уничтожение мироздания. Бог имеет право на подобный поступок. Разум, пусть и неизмеримо превосходящий человеческий, – нет!

– Даже если человечество было создано этим высшим разумом?

– Конечно!

Толику вдруг вспомнился прочитанный когда-то сборник еврейских сказок. Одна сказка поразила – в ней евреи вызвали Бога на суд за какие-то неправильные действия. Бог упирался и спорил, но судья решил, что Бог был неправ, и тому пришлось подчиниться.

– Еврей, переспорь его, – жалобно попросил Толик. – Вы же все умные, евреи, так переспорь его! У вас уже получалось когда-то!..

Если бы Толика спросили, кем он сейчас считает Основателя – Богом или инопланетным сверхразумом, он бы не ответил. В общем-то, он тоже склонялся к мнению, что для муравья разница между человеком и слоном трудноощутима.

– Я не считаю этот довод убедительным, – ответил Основатель.

– Но для чего-то ты сообщил нам о ночи накануне? – вновь вступил в разговор Доктор Кеша. – Если уж мы вынуждены верить твоим словам – какова твоя цель? Неужели она состоит в том, чтобы отравить последние часы нашей жизни?

– Верный вопрос. Я решил дать шанс.

– Кому? – быстро спросил Бомонд.

– Миру. Людям. Вам.

– Тогда говори, время идет. – Это сказал Чтец.

– Нет, время пока не идет.

Толик посмотрел на часы в уголке экрана. Без пяти двенадцать. Он дышал, двигался, пил пиво, дальше по коридору играли в «Дизматч» охранники. Но время не шло.

Почему-то это совсем не удивляло.

– И что ты хочешь? – Чтец как-то незаметно взял на себя основную нить разговора. – Мы должны тебя переубедить?

– В какой-то мере. Любая жизнь осмысленна лишь тогда, когда осознает цель своего существования. Человечество так и не смогло этого достичь. Именно поэтому сейчас – ночь накануне.

– Ты хочешь, чтобы мы нашли смысл жизни? Сформулировали цель человеческого существования? – Чтец поставил смайлик.

– Именно этим вы и занимались все время, но слова ни к чему не привели. Последняя попытка будет иной. Вы должны доказать мне, что человечество достойно жизни.

– Должны? – уточнил Чтец.

– Можете отказаться. Но мне кажется, что вы попробуете.

– Как?]

[– Вы можете отправиться в любое время и в любое место человеческой истории. Решите сами, что может послужить самым веским аргументом. Когда вы вернетесь, каж-

дый из вас приведет свои доказательства. О времени не тревожьтесь – здесь все еще будет ночь накануне.

– Ты очень злобный бог, – написал Корнеев.

– А вы очень злые люди. Но я даю шанс. Последний шанс. Точнее – двенадцать шансов. И я надеюсь, что кого-то из вас ждет удача.

– Да никуда я не пойду, – пробормотал Толик. – Это либо креза, либо...

В глухой стене комнаты вдруг проступили контуры двери – ее будто выдавили изнутри, сквозь пожелтевшую штукатурку.

Толик облизнул губы и посмотрел на компьютер.

И понял, что все-таки пойдет. Как, наверно, и все остальные. Ибо, несмотря на невероятность, понял – происходящее реально.

Андрей Кивинов

Глава первая

Корнеев

Если вы читаете эту книгу, значит, вы еще живы.

«Ну ни фиги ж себе предъява! У вас нет смысла жизни...»

Корнеев, не сводя глаз с монитора, протянул руку к пачке сигарет, по пути зацепив китайский термос с горячим кофе. Термос опрокинулся удачно – прямо на светлые джинсы. Да еще в самую благородную область, чуть пониже ширинки.

«Блин, нормально ночка начинается! – Он вскочил со стула и принялся отряхивать джинсы. – Сначала концом света угрожают, а теперь еще и кофе пролил!..»

Вообще-то его фамилия была не Корнеев, хоть он уверял в чате, что она подлинная. Псевдоним он действительно взял из романа Стругацких, но вовсе не потому, что отождествлял себя с этим странным персонажем. Просто книга валялась на системном блоке, кто-то из сменщиков (кажется, Бонус) читал ее во время вахты. Дабы не ломать голову, открыл наобум и наткнулся на фамилию Корнеев.

На самом деле его звали Артуром. Артуром Юрьевичем – для младших коллег и руководства.

Он бросился в туалет, стянул джинсы и принялся замывать их в раковине, чтобы не осталось пятен. Иначе потом

никаким порошком не отстираешь, даже с М-зимами.

«Не отстираешь...» Когда не отстираешь? Завтра?..

Вернувшись в подсобку, повесил их на стул, открыл небольшой шкаф-кладовку, поискать что-нибудь на замену, пока джинсы будут сохнуть. Можно, конечно, и в трусах подежурить, но мало ли что случится...

Случится? Так уже...

«Спокойно, Артур Юрьевич... Это от перенапряжения. Неделька выдалась хлопотливая, вот и переутомился... Сейчас покурю, полежу на диванчике, и всё нормализуется. Надо, кстати, врачам показаться, давление померить, анализы сдать, томографию сделать. Может, сосудик какой пережало, мозгу не хватает кислорода, из-за чего возникают галлюцинации, панический страх перед смертью и прочая мультипликация...»

Выбор одежды в шкафу оказался невелик. Чьи-то мятые шорты-бермуды с фруктовым рисунком – бананы, ананасы, киви. Артур придирчиво осмотрел их и, не найдя очагов опасных инфекций и неприличных следов, натянул. Почти его размер. Кому принадлежат шорты и что они делают шкафу, его интересовало мало.

Видок у него, наверное, еще тот. Футболка с черепом и надписью «BORN TO KILL»¹, шорты. Не хватает загара, магнитолы на плече, заковыристой татуировки и бутылки пива в руке. И был бы великовозрастным пляжным мачо.

¹ Born to kill (англ.) – рожденный убивать.

Когда он повернулся, чтобы все-таки добраться до пачки сигарет, опытный глаз автоматически заметил небольшое изменение обстановки в комнате. Вернее, что значит небольшое... Еще какое большое!

Прямо напротив шкафа, рядом с плакатом с репродукцией картины «Страшный суд присяжных», появилась вторая дверь. Внешне она ничем не отличалась от первой. Обычная глухая офисная дверь серого цвета. Только новенькая. Без царапин и следов ног в нижней части. То что ее не было раньше, Артур Юрьевич мог поклясться здоровьем начальника!

«Срочно, срочно анализы! Моча, кровь, флюорография, реакция Вассермана, не знаю что там еще... Всё сдам! В госпиталь готов лечь – лишь бы отпустило!...»

Он зажмурился изо всех сил, считая происходящее сном, открыл глаза.

Дверь не исчезла.

Осторожно прикоснулся к ней ладонью. Не обожгло. Комнатная температура. Обернулся на монитор. Вместо стандартной заставки «Windows» – земной шар и плавающий по экрану цифровой таймер.

«Ах какой злобный бог...»

Артур Юрьевич опустился на диванчик, служащий ложем во время вахты. Тот был коротким, ноги не помещались, приходилось подставлять стул.

Куриль как-то расхотелось.

Он припомнил, с чего начался разговор в чате. С общего ощущения тревоги. Да, ощущение было. Но спроси, в чем оно выразалось, он, наверное, объяснить бы не смог. Одно дело, когда по радио объявляют: «Граждане, Монголия нанесла по России ядерный удар, ракеты в воздухе, просим соблюдать спокойствие». Тут всё ясно. А сейчас? Да, в голове звучала тревожная музыка. Но это всего лишь телереклама пилуль от простатита. «Более пятидесяти процентов мужчин после сорока страдают проблемами с мочеиспусканием... Ба-ба-ба-ба!..» Она постоянно звучит и будет звучать, ибо рекламное время проплачено на долгие годы вперед.

Таймер бежал. Только тут Артур заметил, что идет обратный отсчет. Как в плохом боевике. До ноля оставалось пять с небольшим часов. Основатель играет по классическим правилам. Всё закончится с первыми петухами или лучиком солнца.

Закончится... И как, интересно, это будет выглядеть? Столкновение с кометой? Взрыв всех ядерных боезапасов? Отмена налога на добавленную стоимость? Ипотечный кризис, наконец?

«А почему он выбрал именно нас? А ни каких-нибудь китайцев или эскимосов? Ксенофобия, однако. Пусть бы узкоглазые отдувались. Или черные. А то опять мы. Неужели больше всех нагрешили?»

Артур вскочил с дивана, ткнул в первую попавшуюся клавишу. Таймер не исчез. Стало быть, переговоры закончены,

торг неуместен. Спасайте мир, товарищ, спасайте!

«А может? в МЧС позвонить? Так и так, через пять с хвостиком часов нам всем кердык. И Америке, и России, и Грузии, и Китаю. Конец света. Приезжайте...»

Вряд ли приедут. Но прислать кое-кого могут. Из параллельных структур.

Что он там хотел, Основатель этот гребаный? Ой, он же меня слышит! А я его молчалиником обозвал, а потом и вообще в верхнюю часть ноги послал. Прошу прощения, Ваше Высокопревосходительство, это я по запарке. И не злой вы вообще, а так, с причудами – у каждого бывает. Так что ты хотели? Доказать, что в нашем существовании есть смысл, что переводим продукты не зря? Да легко, никаких проблем! Мало ли в нашей истории славных страниц! И не сосчитаешь! Сейчас только сбегая в сортир, отолюю, а потом прикину насчет места и времени действия.

А куда, кстати, ломануться? В голове тут же всплыли образы Джордано Бруно, Александра Матросова, Зои Космодемьянской, Юрия Гагарина, профессора Плейшнера... Словно у двоечника, которого разбудили ночью и попросили назвать любого поэта. «Пушкин, ясен перец!»

Вот, выбирай... Хотя кто его знает, как на самом деле было? Сейчас заявляют, что это все пиар-легенды. Отправишься к тому же Джордано, а выяснится, что не за убеждения его сожгли, а потому что мешок пшеницы у соседа умыкнул. И не сожгли вообще, а повесили... Неловко получится перед

Основателем. «Извините, сам не знал... Ну клянусь, гадом буду!» Да и Матросова вроде как на самом деле не было – какой-то штрафбатовец вместо него на пулемет упал. Вроде по пьянке... Или смершевцы попросили.

Однако шутки шутками, а секундочки бегут... Быстро бегут.

Не галлюцинации это, не кислородное голодание. Не виртуальная реальность. А самая что ни на есть настоящая. Ох как мотор барабанит...

Артур выскочил из подсобки, обошел зал магазина, навестил «бледнолицего журчащего приятеля» и вернулся обратно.

Дверь не исчезла. Таймер тоже.

Бред! Бредовый бред!!! Так не бывает! Я же взрослый, вменяемый чел.

...И на хрена я полез сегодня в этот дурацкий чат? Разложил бы спокойно «косынку», посмотрел бы легкую эротику да спать бы лег. Общения, видишь ли, захотелось, идиоту. Пообщался... Вот и спасай теперь человечество, Брюс Юрьевич Виллис!

А завтра, между прочим, рабочий день. Еще выспаться надо.

Завтра... Если наступит завтра... «Коламбия пикчерс». Колумбийские картинки.

Он вытер пот с намокшего лба, дотронулся до круглой дверной ручки. Повернул. Та не подалась. Заперто...

Всё правильно. Сначала необходимо выбрать место и время. «Это ты, боярин, такую машину изобрел?..»

А не посмотреть ли действительно древнюю Москву? С Иоанном по сигаретке выкурить. Без разрешения соответствующих органов. Когда еще такой шанс представится? А по ходу дела и смысл жизни поискать.

На всякий случай надо ствол захватить. Артур прицепил на пояс брезентовую сумочку-грыжу, в которой скучали снаряженный восемью маслятами табельный ПМ и наручники. Вернулся к двери.

Ну, с Богом... Или как там теперь его называть. Ваше Благородие... Отец-основатель.

Едва он взялся за ручку, ожил оставленный на столе мобильник.

«Ну кто там еще в такое время? И в такой момент? Ночь же! Накануне!»

Это оказался Бонус.

– Артур Юрьевич! Не разбудил? – В голосе коллеги тоже играли тревожные нотки. «Неужели и у него та же байда?»

– Нет... Я не сплю.

– У нас тут задница.

Бонус, как никто другой, мог коротко и емко передать драматизм текущего момента.

– Не задница, а верхняя часть ноги, чудило, – по привычке поправил Артур, – мы из культурной столицы, твою мать.

– Хорошо, у нас тут верхняя часть ноги. Двойник. Тетка

лет двадцати пяти и пацан. Сын ее, наверное. В мусорном бачке. На Матросова. Задушены, похоже. Документов нет. Ты бы подскочил посмотреть. Может, узнаешь тетку – земля твоя. Ты на тачке? Или мне заехать?

– На тачке... Давай адрес...

* * *

Бонусом его прозвали за полезную привычку везде требовать скидки. Даже получая в оружейке пистолет, он по привычке требовал бонусный патрончик. Весь ящик рабочего его стола был завален всякими дисконтами и накопительными картами. Загляни туда посторонний, он решил бы, что за столом сидит не опер криминальной милиции, а менеджер или торговый агент. Однажды, придя в адрес, он вместо удостоверения нечаянно показал дисконтную карточку «Максидома», тоже носимую у сердца. Никто, к слову, ничего не заподозрил. Главное ведь не мандат, а внешний вид и интонация.

А вид соответствовал. Одна металлическая улыбочка чего стоила. Память о горячей точке. Год назад поехал проветриться. Спасать демократию в Закавказском регионе. Но в первый же день не рассчитал с объемом выпитого халавного спирта. В результате падение, удар челюстью о ящик со снарядами, потеря верхних зубов и возвращение на родину в санитарном вагоне. Естественно, в рапорте указал,

что подвергся атаке неустановленных бандформирований во время несения боевого дежурства. Поверили. Тем более что Бонус алкоголем не злоупотреблял. Просто расслабился на свежем воздухе по неопытности. Даже почетный значок ему дали, как участнику боевых действий, на Доску почета повесили, премию выписали. Вот так и рождаются легенды...

На золотые зубы Бонусу премии не хватило, на керамику тем более, пришлось вставлять железные. Улыбочка получилась на пять с плюсом. Подражая киногерою Сталлоне, который грыз зубочистку, Бонус тоже стал грызть. Но не зубочистку. Гвоздь-десятку. Впечатляло. Особенно подозреваемых. Да и свидетелей тоже. Рассказывали чего и не было. Лишь бы не сердить гражданина сыщика.

Недавно ему исполнилось двадцать пять, уже два года он обеспечивал конституционный порядок в шкуре территориального опера и считался ветераном отдела, ибо больше полугода на земле нынче никто не задерживался. Костлявая рука коррупции хоть и подобралась к его молодому горлу, но плотно сжать еще не успела. Над его столом висело изречение собственного сочинения: «Все ваши беды от нашего низкого материального обеспечения». Обеспечение, к слову, действительно невысокое. Отсюда и тяга к дисконтам. Жить на ментовскую зарплату – всё равно что переплывать Атлантику на байдарке. Рано или поздно утонешь. Или сожрут акулы.

Не продать пока душу дьяволу позволяла и полулегальная халтура в компьютерном магазине, который они с Артуром охраняли по ночам. Сутки через трое. Халтуру предложил Корнеев, дабы молодой коллега превращался в оборотня не так интенсивно. Пускай лучше магазин охраняет, чем банкирам и ларечникам «крыши» ставит... Третьим участником предприятия был участковый Витька Ремезов, копивший на домик в садоводстве.

Сегодня дежурил Артур. Платил хозяин небогато, по тысяче за ночь, но и работенка непыльная. Прийти, запереться, в комп поиграть, переночевать на диванчике в подсобке и получить наличность.

Когда магазин только открылся, ночных сторожей хозяин не приглашал. Доверился квалифицированной вневедомственной охране. Через месяц случилась неприятность. Вор разбил витрину и унес двадцать жидкокристаллических мониторов плюс всякого железа на пару лимонов. Поймать злодея охранники не успели, хотя согласно рапортам были на месте происшествия через три положенные минуты. Хозяин заподозрил подвох – не сами ли караульщики мониторы погрузили? Но доказать ничего не смог. Охранники били себя кулаками в бронежилеты и клялись, что честны и преданы делу. Копейки чужой ни у кого не взяли.

Хозяин позвонил Артуру, которого знал еще по техникуму морского приборостроения, где когда-то учился. Спросил совета. Артур предложил себя и еще двоих надежных

людей, готовых практически даром, считай за еду, охранять вверенное имущество. Хозяин посчитал, что тридцатка в месяц, может, и дороже, чем сигнализация, но зато надежней. Ударили по рукам, и теперь господа милиционеры каждую третью ночь проводили вне родных стен. Зато лишняя десятка к зарплате помогала немного облегчить материальные страдания и поднять авторитет в обществе.

Бонус пока не женился, поэтому периодически охранял магазин не один, а с помощницами. Это не сказывалось на качестве оказываемых услуг, наоборот – повышало моральный дух.

Артур был старше напарника на десять лет. Биография довольно типичная для мента среднего уровня. Морское приборостроение не позволяло реализовать творческие наклонности. Пришлось оставить. Армия, милицейские курсы, территориальный отдел, переход в РУБОП, карабканье по служебной лесенке. Дослужился до замначальника отдела, получил майорские звезды. Когда управление упразднили (а зачем оно, если организованной преступности в России больше нет?), решил не двигать дальше карьеру, а спокойно досидеть до пенсии в своем же территориальном отделе. Обычным опером. Предлагали, конечно, должность солидней, но Артур Юрьевич твердо заявил: «Хватит, накомандовался». Устал от интриг, без которых немислимо ни одно серьезное учреждение. А здесь только за себя отвечаешь. На «земле» работенка тоже не сахар, но это если

без ума носиться.

...Машину он водил заграничную. «Ауди». Тысяча девятьсот семьдесят девятого года выпуска. Но зато с гидросилителем руля и одним кожаным сиденьем. Деньги за нее Артур пока не выплатил, но через полгода планировал рассчитаться с продавцом, школьным приятелем. Несolidно современному майору милиции ездить на малопрестижных марках. А «Ауди» – это респект. Месяц назад в отдел пригнали новую «девятку». Служебную. Для руководства. «Девятка» так и стоит в гараже. Руководство не может договориться, кто на ней будет ездить. Кто ж на такую тачку пересядет после личных «Лексусов» и «Тойот»? Западло. Бояться перестанут.

Через десять минут после звонка он уже был на улице Матросова. Припарковался метрах в ста – ближе не имело смысла. Сейчас понаедет начальство, заставит всё японским автопромом, потом не выберешься из пробки.

Пока еще не приехало. Возле мусорного бака, огороженного декоративной кирпичной стеночкой, торчали Бонус с гвоздем в зубах, водитель и дежурный опер из местного убойного отдела с фонариком. На стеночке белело слово «ХЮЙ». Куда катимся, если даже такие слова пишем с ошибкой...

– Доброй ночи. – Артур пожал руки коллегам. – Вернее, злой.

– А ты чего в шортах, Юрич?! – сверкнул зубами Бонус. –

По приколу, что ли?

Только тут Артур вспомнил, что забыл переодеться. С другой стороны, в мокрых джинсах не очень комфортно. К тому же ему только посмотреть.

– Где?..

«Убойщик» кивнул на бак и протянул фонарик.

Женщина лежала лицом вверх. Смерть, видимо, наступила недавно, казалось, что она безмятежно спит, подложив под голову черный пакет с пищевыми отходами. Красивая. Минимум косметики, крашенные волосы убраны в хвостик. На левой скуле ссадина. Одежда – темная юбка, простенькая футболка и вязаная кофточка. В ушах маленькие серьги-капельки, явно не золото. Пара колечек на пальцах. В лучшем случае серебро.

Мальчик прижался к ее плечу лицом, словно хотел согреться. Точно, лет семь, не больше. Короткая, почти под ноль стрижка. Такая же, как у матери, футболка, тренировочные брюки, потрепанные сандалии. Левый носок с дыркой.

У обоих на шеях по красному пионерскому галстуку. Вернее, по красной тряпочке.

– Что это? – Артур приподнял краешек тряпочки на шее женщины. Несколько белых бусинок с оборванной нити скастились в недра бака.

– Галстуки, наверное... Эти, как их... колумбийские, – предположил Бонус. – Уроды...

– Там на шее следы от веревки или шнура, – показал пальцем «убойщик», – задушили, похоже. У женщины голова разбита и трусов нет... Документов никаких. Может, была сумочка, но забрали. Ну что, не узнаешь?

Артур отрицательно покачал головой.

– Жаль... Нет ничего хуже беспризорных трупов.

Никто не объяснял друг другу прописных истин, что, если сразу установить личности, есть шанс раскрыть по горячим следам. И что сейчас предстоит нервный и нудный обход квартир в поисках свидетелей. Здесь не кино – зрителей нет, объяснять некому...

«Убойщик» окинул тоскливым взглядом многоэтажку:

– Хрен кто ночью откроет. Придется до утра ждать....Если оно наступит...

Сия светлая мысль посетила голову Артура, едва он увидел убитых. Делиться ею, понятное дело, не стал. Решат обкуриться изъятой травой.

...Все там будем... Таймер бежит. И не факт, что получится убедить Основателя повременить. Совсем не факт. Особенно после таких живописных доказательств. «Достойны, значит, жить? Ну-ну... И пацаненка не пожалели...»

Все там будем. И этот урод... Или уроды. Вряд ли душил в одиночку. Пацан бы поднял шум.

И не поймут ведь, твари, за что их и почему. Просто исчезнут вместе с остальными миллиардами. Тихо и легко.

А может, с ними тоже пообщался Основатель? Необяза-

тельно через Сеть, а как-то по-другому. Он же Основатель. И тоже убедил в реальности происходящего? А они, решив, что всё – кердык, утро не наступит, пустились напоследок во все тяжкие. Гуляй, насилуй, убивай, за это уже ничего не будет!..

Нет, ребятки... Напрасно вы так... Еще пять часов... Будет.

Мне бы только вас найти...

Успеть найти.

И объяснить, почему вы, суки, сдохнете.

– Кто обнаружил? – вернув фонарик, спросил Артур у Бонуса.

– Вон. – Напарник кивнул на сидящего у подъезда очкарика в поношенной ветровке. – Помойку выносил, ну и...

– Помойку? В такое-то время?

Артур подошел к парню, поздоровался, затем попросил повторить рассказ. Тот сбивчиво выполнил просьбу. Так и так, не спалось, решил прогуляться, заодно выкинув мусор. Увидел трупы, испугался, вызвал милицию.

– Ты что, с фонарем мусор выносил? – хмуро уточнил опер.

– Нет... Зачем?

– И как же, интересно, ты их разглядел? – Артур кивнул на черное небо, затянутое облаками. – Луны вроде нет. Или у тебя в голове прибор ночного видения?

– Ну... – замаялся очкарик, – кажется, сверкнула молния...

– Гроза кончилась два часа назад... В какой квартире живешь?

– В четырнадцатой... А что такое? Вы мне не верите?

Артур кивнул парню, чтобы шел следом, и устремился в подъезд. Лифта ждать не стал, четвертый этаж – не высоко. Жилец бежал следом, пытаясь выяснить, что задумал этот странный господин во фруктовых шортах.

– Погодите... У меня дети... Спят.

– Не разбужу.

Дверь оказалось незапертой. В прихожей Артур столкнулся с женщиной. Халат, бигуди, ночной крем на лице, испуг в глазах.

– Здравствуйте...

– Здравствуйте... А вы кто?

– Милиция. Не видно разве? Кухня где?

– Там... А в чем дело? Подождите...

Артур быстро прошел в указанном направлении, включил свет, распахнул дверцу шкафчика под раковиной, где по обыкновению люди устаивают домашнюю свалку бытовых отходов.

Помойное ведро было полным. Вряд ли оно успело наполниться за десять минут, пока ехала милиция.

– Мусор, говоришь, выносишь? – Опер поднял глаза на побледневшего хозяина квартиры, следом зашедшего в кухню.

– Но... Я... Я не вру... Я... – залепетал очкарик, подбирая нужные слова, – я случайно...

– Случайно нашел два трупа? В темноте? Под мусором?.. Мужичок, ты решил проверить прочность моих нервов? Они сегодня не очень прочны. За последствия не отвечаю... Что ты делал у помойки?

– Но... Какая разница?.. Если б я был виноват, разве я стал бы вам звонить?

– Я мог бы рассказать тебе кучу историй, когда убийца сам звонил в милицию, но мне некогда.

– Вы думаете, это я убил?! – Растерянность на лице парня сменилась праведным гневом.

– Я думаю, что, как минимум, ты врешь.

– Нет... Правда... Клянусь. Вот, у Кати спросите. – Очкарик кивнул на женщину в бигудях.

Та о чем-то задумалась, затем негромко обратилась к Артуру:

– Можно вас на минутку? Тема, подожди здесь.

Артур последовал за ней в прихожую, на всякий случай бегло осмотрев кухню. Нет ли улик, которые не успели уничтожить? Шнурок-удавку, например. Или красную тряпочку. Но ничего не заметил.

Женщина заговорила шепотом:

– Тема вам не скажет... Я всё объясню... Только ему не говорите, он расстроится... Понимаете, он композитор. Сочиняет музыку, – она приоткрыла дверь комнаты, и Артур увидел краешек черного пианино, – но это не коммерческая музыка.

– Не улавливаю связи.

– Сейчас... Она никому не нужна, ее никто не покупает. А всякую ерунду Тема отдает даром. Для сериалов там или на эстраду. Вроде как считает недостойным брать за это деньги. Принципы. А искать другую работу не хочет. Зачем, дескать, гвозди микроскопом забивать? В конце концов, мог бы спокойно подрабатывать в ресторанах, но... То же недостойно. Но я не осуждаю его. Творческий человек... И очень хороший.

Артур кивнул. Знакомая песня. Я гений, поэтому не отвлекаюсь на пошлый заработок.

– У него же консерваторское образование по классу композиции. Представляете, если он в ресторане пьяных гостей развлекать будет? Или двор подметать?.. С его-то Божьим даром.

«Ах какие мы гордые... Мне вот, майору милиции, не впадлу магазин сторожить...»

– Вы не могли бы ближе к делу?

– Да-да... Живем на мои, я на лотке овощами торгую, возле универсама. Но всё равно не хватает. У нас двойня, а цены, сами знаете, какие. На одну школу сколько уходит.

Женщина выдержала паузу, собираясь с духом.

– Напротив дом построили, высотку. По уплотнилровке. Там люди зажиточные, нам никогда квартиру в таком не купить. А мусоропровод у них плохой, всё время засоряется. Они на нашу помойку мусор и выносят. Иногда хорошие ве-

щи. Один раз почти новый телевизор вынесли... Вот Тема и... Ищет. По ночам... С фонариком. Не днем же... Вы извините...

Последние слова она произнесла шепотом, словно опасаясь, что сейчас Артур придет в ярость.

Артур в ярость, конечно, не пришел, но расстроился. Версия обломилась. Не «айс».

– А сегодня прибежал весь перепуганный, сказал, что там женщина с мальчиком... Вас вызвал... Ой, а вы точно из милиции?

Видимо, хозяйка только сейчас обратила внимание на внешний вид сотрудника правоохранительных органов.

– Правда, – Артур вытащил из сумочки удостоверение, – а это летняя оперативная форма одежды. Приказ министра.

Женщина внимательно осмотрела документ и, убедившись, что парень в шортах не врет, с облегчением вздохнула.

– Вы спускались вниз? К помойке? – спросил Артур.

– Нет... Что вы... Я боюсь мертвецов.

– Придется. Женщина, похоже, местная. А вы работаете продавцом. Могли видеть. Или из вашего дома. Пойдемте... Не бойтесь. Они не укусят. Если укусят, я оплачу лечение. Оденьтесь.

Артур вернулся на кухню. Бледный, как спирохета, композитор сидел на табуреточке, теребя музыкальные пальцы. Опер раздвинул шторы, выглянул в окно. Действующих лиц возле помойки заметно прибавилось. Замначальника райот-

дела по общественной безопасности, дежуривший по району, бригада из ГУВД, зачем-то наряд вневедомственной охраны и даже представители МЧС. Шоу начинается.

Прежде чем покинуть кухню, он обратился к композитору:

– Слушай сюда, Бетховен. Завтра пойдешь в «Нирвану»...

– Куда?!

– В «Нирвану». Ресторан такой на Матросова. Тут рядом. Найдешь администратора, скажешь, что от Артура Юрьевича. Он пристроит тебя тапером. Три раза в неделю. С деньгами не обидит.

– Но... Я...

– Иначе посажу за тунеядство. Статью снова приняли. До трех лет. Будешь на зоне уровень художественной самодеятельности поднимать.

Композитор хотел что-то возразить, но, нарвавшись на взгляд человека в шортах, обреченно кивнул головой.

Пока ждали лифт, Артур негромко попросил женщину:

– Если вдруг узнаете ее, вида не подавайте. Отойдем в сторонку, тогда скажете. Так надо.

Артур, как опытный сотрудник, был уверен, что начальство в случае положительного опознания, выхватит шашки из ножен и всех бросит в прорыв. И распугает не только душегубов, но также голубей и мирно спящих граждан. И не даст исполнить задуманное. Менялись кадры, менялись названия отделов и управлений, менялись законы. Но одно

оставалось неизменным. Бардак.

Замначальника райотдела, заметив подчиненного, пришел в восторг от его внешнего облика.

– Ты совсем, да?! Еще бы в плавках пришел! Здесь убийство, а не пляж! Сейчас телевидение приедет! Клоун! Волосы седые, а в заднице детство играет!

– Не в заднице, а в верхней части ноги, – буркнул в ответ Артур и подтолкнул женщину к мусорному бачку.

– Ты еще поостри!.. Выпил, так сиди дома! Не позорь погоны!

Артур не удивился напрасному обвинению в пьянстве. У него с шефом не складывалось. Имея за плечами пятнадцать лет оперативного стажа, он мог позволить себе не соглашаться с мнением руководства. Что, разумеется, ни у кого не вызывает теплых чувств. К тому ж само руководство не было образцом преданности долгу. Взять хотя бы личный автотранспорт. Далеко не семьдесят девятый год. Очень далеко. Это при окладе в двадцать тысяч карбованцев. А если про недвижимость вспомнить, то совсем грустно...

А может, осадить его, пользуясь моментом? Ночь же Накануне. Ничего за это уже не будет. Сказать, например, как он местный наркотрафик прикрывает. Или бизнес мелкий душил, веля барыгам сдавать деньги на строительство часовенки. А потом со святым отцом табош делят. Десятину церкви, как положено, девяносто процентов себе. И никто не прикопается – церковь отделена от государства.

Нет, некогда... Есть дела поважнее. Да еще Основатель услышит. Хотя он, наверное, и так знает. Поэтому и затеял игру на вылет.

– Посмотрите, не бойтесь. – Он взял у «убойщика» фонарик и осветил мусорный бак. Женщина вскрикнула, несмотря на то что морально готовилась увидеть убитых. Потом заплакала и запричитала:

– Господи, ребенка-то за что? Подонки... Скоты... Что им мальчик сделал?... Жалко-то как.

Артур взял ее под локоть и отвел в сторону.

– Успокойтесь... Узнали?

Женщина вытерла слезы, потом испуганно прошептала:

– А они... Нам ничего? У нас два сына...

– Ничего. Гарантирую. Не бойтесь... Да и зачем вы им?

– Только я подписывать ничего не буду, ладно?

– Я и не прошу ничего подписывать, – хмуро ответил Артур Юрьевич.

– Хорошо, – женщина еще несколько секунд помолчала, что-то прикидывая, потом согласно кивнула, – как ее звать, не знаю. Но один раз видела. Лицо запоминающееся.

– Где?

– В кафешке. В парке Целинников.

– За памятником?

– Да... Она там официанткой работала. Или со столов убирала... Недели две назад я зашла ливень переждать, зонтик забыла, так она там посуду носила. Я еще подумала – та-

кая симпатичная, а посуду таскает...

– Не всем же моделями быть. Точно она, не ошибаетесь?

– Она... Я ж говорю – приметная.

– А мальчик?

– Не знаю... Сын, видимо... Можно я пойду? Мне к восьми в ларек... Хотя не засну, наверное...

– Идите... Благодарю... Погодите. Сейчас вас будет допрашивать следователь. Не говорите, что узнали ее. Как раз он заставит расписываться.

– Да, да... Не скажу. А вы их точно найдете?

– Мы всех находим. Стопроцентная раскрываемость. «Но девяностопроцентная закрываемость».

Не дожидаясь, пока она скроется в подъезде, Артур знаком подозвал Бонуса:

– Погнали. Есть вариант.

– Не могу. Сейчас главковское начальство едет, надо здесь отсвечивать. Я ж дежурю.

– Ничего, обойдутся без твоих услуг. Тетка ее узнала. Поможешь.

– Лады, я только «убойщика» предупрежу.

Через минуту они уже тряслись в «Ауди», летевшей вперед, словно Чапаев на белогвардейцев.

– Амортизаторы поменяй, – Бонус прислушался к стуку в подвеске, – текут уже, наверное.

– Давно вытекли...

– Не, я «немца» брать не буду. Ремонт в копеечку вле-

тит... Прикинь, я тут «корейку» присмотрел. Двухлетней давности, без пробега по нашим дорогам. И, главное, в кредит можно взять. Так, прикинь, в банке не дают! Я два года назад уже брал на холодильник да на пару месяцев задержал. Они и пробили! А надо-то всего десятку. Мне накоротке сказали, это из-за кризиса.

– Вон, у начальника займи.

– Как же... Даст. Он себе яхту недавно купил. Двухмоторную. Блин, обидно. Тачка классная, движок один и восемь, полный электропакет, все дела... И цвет приятный. Черный металлик... Слушай, а куда мы едем?

– В кафе. Кофе попить. Для бодрости.

Он взглянул на часы. Половина первого. В пять лавочка закроется. Если, конечно, не найдем предназначение в жизни.

Предназначение... Интересно, какое предназначение у этого композитора? Сочинять никому ненужные мелодии? И сидеть до старости на шее у жены?

С другой стороны, если бы он не сочинял, а вкалывал бы тем же тапером или грузчиком, то не ползал бы ночью по помойкам. А не ползал бы по помойкам, не нашел бы сегодня женщину с пацаном... А не нашел бы, и меня б здесь не было... И не успел бы я...

Может, в этом и есть его предназначение? Всю жизнь сочинять музыку, чтобы в один, не скажу что прекрасный, момент оказаться в нужное время и в нужном месте?

И, самое интересное, он об этом даже не догадывается.

Не исключено, и я не догадываюсь, в чем мое истинное предназначение.

И никто не догадывается.

И как же в таком случае угодить Основателю? И вообще, каковы критерии оценки?!

– Охренеть! Всего на два месяца платеж задержал! – продолжал стонать Бонус. – Так не по своей же воле! Зарплату не выдали, и попал!..

А в чем предназначение Бонуса?

– Слушай, а в магазинчик наш никто не залезет, пока ты тут? Потом не расплатимся.

– Не залезут. Я оставил клона.

Езда по парковым дорожкам была запрещена, но не для его «Ауди». Артур обогнул памятник трактористу-целиннику. Месяц назад какой-то шутник написал на его робе «SALE» и телефон Комитета по охране памятников. Не поленился ведь найти... Хулигана пока не поймали. Как передали в криминальной хронике, возбуждено уголовное дело по статье «Надругательство над местами захоронений». Хотя никто под памятником захоронен не был. А если и был, то негласно.

Сверкнула тропическая молния. В половину неба. Видимо, гроза не до конца израсходовала боезапас и готовилась к повторной атаке. Что и неудивительно. Все-таки ночь Накануне. А вы что хотели? Воздушных шариков, фейерверков

и пения канареек?

Кафе, как и предполагал Артур, не подавало признаков жизни. Вывеска гласила, что оно служит людям до девяти вечера. Это не ресторан или ночной клуб. Обычная парковая забегаловка, где подают бутерброды, мороженое и пиво для гуляющих пролетариев и их детей.

Внутри темно. Решеточки на окнах. Амбарного замка, правда, не видно. Есть шанс, что внутри засел сторож.

Артур постучал в дверь. Прислушался. Постучал громче, потом вытащил пистолет и несколько раз ударил рукоятью.

– Да никого, – Бонус прижался лицом к стеклу. – Чего тут охранять? Бутылки пивные? Погнали назад, утром приедем. Вот-вот ливанет, а у меня зонта нет.

– Надо сейчас, – глухо ответил майор.

– На хрена? Куда спешить?.. Им уже все равно.

– Мне не все равно.

Он быстро обежал кафешку. Столики, составленные один на другой и связанные цепочкой. Несколько сломанных пластиковых стульев на земле. Ржавеющий кассовый аппарат со следами автоматной очереди – память о романтических девяностых... Дверь в подсобку обита листовым железом. Навесной замок с секретным кодом.

Артур вытащил из кармана шорт мобильник, подсветил. Подергал петли. Ерунда. Держатся на честном слове, никакой секретный код не спасет.

Сбегал к машине, отыскал в багажнике табельный ломик.

Опер без фомки все равно что дирижер без палочки или омовец без дубинки.

– Ты чего, ломать хочешь? – обалдел Бонус, чуть не проглотив свой гвоздь, – Чего ты там найдешь?

– Не знаю... Может, список телефонов под стеклом у директора.

– На хрена? До утра не подождать, что ли? На крайняк участкового поднять можно, у них все директора заведений переписаны.

– Долго. Подсвети лучше. – Артур протянул напарнику мобильник.

– А если охрана приедет? Наверняка шалман под сигнализацией. Стрелять начнут.

– Ничего, у нас тоже пушки имеются. Отобьемся... Кончай ныть. Всё на себя возьму, если что.

Петли, несмотря на внешнюю хлипкость, оказали упорное сопротивление. Не давали товарищу майору нарушить законодательство и превысить должностное положение. Возился минут десять. Бонус стоял на стреме с пистолетом в руке, поглядывая по сторонам. Но вряд ли кто в такой час и такую погоду гуляет по парку. Даже белочки попрятались в дупла. А ручной парковый медведь в берлогу.

Наконец петли сдались, замок упал к ногам. Артур толкнул дверь и, подсвечивая мобильником, двинулся внутрь. Бонус остался на улице, чтобы в случае появления вероятного противника подать сигнал тревоги.

Одна из дверей подсобки вела в зал, вторая в кабинет директора. Тут же стояли сложенные грибочки-зонтики. Надо Бонусу один вынести, чтобы не промок.

Директорская дверь тоже оказала сопротивление. В том смысле, что имела замок, правда, взрезной. Но взломать его оказалось делом двадцати секунд. На конкурсах профмастерства в этой дисциплине Артур неизменно занимал первые места. Это наследственное. Мать говорила, что его прадедушка был первоклассным медвежатником.

Те, кто завтра обнаружат взлом, изрядно поломают голову. Кто же это скovyрнул все замки, но ничего ценного не прихватил?

Завтра... Блин, никак не привыкнуть, что завтра-то может и не быть...

Войдя, нащупал выключатель, зажег цвет.

На директорском диванчике, подогнув ноги и положив под голову подушечку, мирно спал человек. Молодой. В милицейской форме. На полу стояли потрепанные берцы, из которых выглядывали зеленые носки, добавляя в атмосферу веселых красок. Португепя с кобурой висела на стуле. Кобура не пуста. Тут же китель. Если верить погонам – лейтенантский. На зажженный свет человек никак не отреагировал, продолжая сладко храпеть.

Артур наклонился к его лицу. Мент был не из их отдела. Возможно, соседский... Чужую территорию, однако, занимает. Да еще так халтурно халтурит. Взорвут – не проснет-

ся.

В принципе, можно и не будить. Пошарить по директорскому столу и отвалить. И пушку прихватить. Для науки.

Но придется. Наверняка он знает уборщицу-официантку.

– Эй, сторож, – майор потряс лейтенанта за плечо, – кофейку не приготовишь? Мент вздрогнул, открыл глаза, несколько секунд таращился на Артура, затем перевел взгляд на стул, где висела кобура. Она была уже пуста, ствол опер на всякий случай вытащил. А то еще пальнет спросонья, не успеешь и ксиву показать. И ведь прав будет. Какой-то чудик в шортах взломал замок, проник в охраняемое помещение. Попробуй догадайся, что это офицер милиции при исполнении.

– Ты кто? Ты что тут...

– Спокойно. Управление собственной безопасности. – Артур с расстояния показал удостоверение. – Халтурим, значит? А как же положение о прохождении службы?

– Я... Я не халтурую... Просто... Проверял санитарию и...

– Какую ты санитарию проверял? Где работаешь?

Лейтенант сел на диванчик, поправил волосы и назвал номер отдела. Как и предполагал Артур, сосед. Участковый.

– Во, еще и на чужой грядке. Что, на своей земле места не найти?

– Это знакомый мой. – Парень виновато кивнул на директорский стол. – У них сторож заболел. Попросил одну ночь подежурить. Бесплатно.

– Крепко дежуришь. Хоть гвозди выпрямляй. Полчаса стучались.

– Там звоночек есть. – Участковый о чем-то задумался. – А как... Как вы сюда?..

– Закрывать надо, – не стал пугать парня Артур.

В кафе, судя по звукам, зашел Бонус. Но направился не в директорский кабинет, а в зал.

– Кто там? – опасливо прислушался участковый.

– Свои. Вернее, наши. Так, ты проснулся или взбодрить?

– Да я и не спал, в общем... Так, прикорнул...

– Тогда отвечай быстро и четко. Уборщица здесь работает. Светленькая, лет двадцати пяти. Симпатичная. Знаешь ее?

– Надя?

– Наверное... Сын есть у нее? Лет семь.

– Да... Костик. А зачем она вам?

– Была б не нужна, не спрашивал. Где живет, знаешь?

– Рядом где-то... Можно у Михалыча посмотреть. – Парень поднялся с дивана, сел за директорский стол, выдвинул ящик и, порывшись в бумагах, достал потрепанный блокнот. – Вот... Победы, пятнадцать, корпус три, тридцать четыре. Телефон надо?

– Давай.

Участковый записал номер на листочке и протянул оперу. Внешний вид пришельца, к слову, его совершенно не удивил. Это ж отдел собственной безопасности, чего с них взять?

Артур прикинул, что лучше – звонить или съездить. Выбрал последнее, тем более что ехать не очень далеко. Не исключено, что убийца кто-то из близких, поэтому грамотнее нагрянуть без предварительного звонка.

– Ты ее сегодня видел?

– Нет, – ответил участковый и на всякий случай добавил: – Честное слово. Я к десяти прихожу, а все в девять уходят.

– А как сама? По жизни?

– Да нормальная вроде... Без задвигов. Я ее вообще-то не очень знаю. Так, привет-привет. Она ж уборщица обычная.

«А я целый лейтенант».

– С кем живет?

– Откуда я знаю? Пацана ее видел, она иногда с ним приходит... Надо у Михалыча спросить.

– Сами спросим. Телефон дай.

Участковый назвал номер по памяти. Артур вбил его в свой мобильник. Затем вернул лейтенанту пистолет:

– По понятиям, ты мне поляну выкатить должен за пушку. Но я не люблю понятий. Дверь почини. Там петли сорваны.

Не простившись, он вышел из кафе, по пути окликнув Бонуса. Тот сел в машину не с пустыми руками. Пара бутылок пива, несколько бутербродов, «Сникерс» и пакетики с орешками.

– Во, бонус за моральные страдания. Ночь длинная, без провианта не дотяну... Ну чего там?

Артур рассказал.

– Директору будем звонить?

– Шум поднимет. Сперва к ней прокатимся.

Когда выехали из парка, ливень ударил с такой силой, что у «Ауди» прогнулась крыша. Народ забился по квартирам, и только стойкие куртизанки не покидали рабочих мест, зарабатывая на хлеб и бижутерию.

– Ого... Боженька заплакал, – прокомментировал Бонус, надкусывая халявный бутерброд.

Артур включил древний «Pioneer» послушать новости. Вдруг про конец света уже все знают... Но новостей не было. Транслировали старенькую жизнеутверждающую песенку «Queen». «All dead, all dead»². Слово по заказу для товарища майора. Основатель опять ненавязчиво напомнил, что шутить не собирается.

– Слушай, Бонус, – Артур посмотрел на небо, – представь, что сегодня последний день. То есть ночь.

– В каком смысле?

– В прямом. Завтра – конец света. Метеорит там, потоп, война ядерная... Что бы ты сделал?

– Чего это ты вдруг? – не прекращая жевать, удивился напарник.

– Так, погодой навеяло.

– Ну что-то... Взял бы коньячку, рванул бы к чиксе и, так сказать, по полной программе. А что тут еще придум-

² All dead (англ.) – все смертны.

мать? Не огород же копать и не показатели улучшать... А то и с двумя сразу. А ты?

– Я? Я б стремя.

Дом нашли не сразу. Район неблагополучный, таблички с номерами повсеместно аккуратно разбиты. Уборщица Надя проживала в обычной пятиэтажной хрущобе.

Артур посмотрел на ноги. Да, в шортах несолидно. Но выбора не было.

Пока добежали до подъезда, успели промокнуть. Подсвечивая тем же мобильником, нашли нужную квартиру. Бонус заглянул в замочную скважину:

– Не спят. Свет горит.

Достал пистолет и нажал кнопку звонка. Быстрые шаги, щелканье отпираемого замка.

– Надь, это вы? – Голос принадлежал молодому мужчине.

– Милиция, – ответил Артур, приготовив удостоверение.

Дверь тут же открылась. Никакой техники безопасности. Точно, парень лет семнадцати. Тонкая шея, узкие плечи, подростковая сутулость. Футболка, треники. Свисающие наушники от плеера.

Артур представился, назвал номер отдела.

– А вы точно к нам?

– Точно.

Из комнаты вышла женщина чуть старше средних лет. Халат, тапочки. Возмущение на лице:

– Кто вы? В чем дело?!

Шорты и мокрая футболка Артура с надписью «Рожденный убивать» могли возмутить кого угодно.

– Из милиции, – на сей раз ответил Бонус, переложив гвоздь из одного уголка рта в другой. Для доходчивости. Но ксиву всё же показал.

Женщина, достав из кармана халата увеличительное стекло, изучила их удостоверения.

– Надежда Викторова кем вам приходится? – оторвал ее от разглядывания голограммы майор.

– Дочерью... А что случилось?

Артур незаметно подтолкнул коллегу, чтобы тот помалкивал. Если сейчас сказать правду, полезной информации не получишь. Наверное, это жестоко, но дело важней.

– Ничего. Ищем одного его знакомого. Сергеева Игоря. Знаете такого? – Артур врал профессионально, научился за долгие годы работы в органах.

– Нет, не слышала. – Женщина растерянно посмотрела на парня. Тот тоже покачал головой.

– А ты кто такой? – ткнул ему пальцев в грудь Бонус, поддерживая игру.

– Я Надин брат... Живу здесь.

– Документы принеси.

Парень, пожав плечами, скрылся в комнате.

– А где сама Надежда?

– Не знаю... Она уехала к подруге... Я уже волнуюсь...

Час ночи, а их все нет. Транспорт уже не ходит.

– Их?..

– Она уехала с Костиком, с сыном. И трубку не снимает. Что за манера? Засунет в сумку на самое дно, а ты нервничай... Подождите, что за Игорь Сергеев?

Вернулся парень с паспортом. Бонус для блезиру принялся изучать документ.

– Я же сказал, знакомый ее. Вы звонили подруге?

– Конечно. Они ушли от нее часа два назад. Тут езды-то... Сорок минут на метро. «Черт, – подумал Артур, – погано, если случайный вариант. Могли сесть в тачку к каким-нибудь уродам. Те порезвились и выкинули».

– Можно телефон подруги?

Женщина надела очки и взяла с полочки записную книжку. Продиктовала номер, который Артур также занес в мобильник.

– Звать ее как?

– Алла.

– Это она пригласила Надю?

– Не знаю... Надя сегодня выходная. Она два через два работает. В парке Целинников, в кафе. Часов в семь сказала, что съездит к Алле. Костик с ней напросился.

– Где живет Алла?

– На Васильевском. Раньше здесь жила, они с Надей со школы дружат. Потом к бабушке переехала...

– Чем занимается, не в курсе?

Надина мать как-то обреченно вздохнула, махнув рукой:

– А-а! По ресторанам гуляет... Да по парням. Непутевая какая-то. Я Надю прошу, чтобы с ней не общалась, да разве они слушают?..

– Как я понял, Надя не замужем.

– Нет... Не складывается...

– Бывает. Вы точно ничего не слышали про Сергеева? – поддержал игру Бонус.

– Впервые слышу. Да что за Сергеев? Что он натворил?

Артур мог сочинить любую правдоподобную историю, но не стал. Таймер бежит. В иной ситуации он потратил бы на разговор с матерью часа четыре, а то и больше, вытягивая информацию о дочери.

– Завтра объясним. Извините за вторжение. Спокойной ночи. – На пороге он обернулся. – Да... Вот еще. Какая у Нади сумочка? Ну, в смысле, как выглядела?

– Обычная... Черная, под крокодилову кожу. С вишенками. А почему вы спрашиваете? Что все-таки случилось? Где Надя? Где Костик?

Сыграть достоверно не удалось, мать заподозрила неладное.

– Они вернутся... Я обещаю. Ложитесь спать.

...Артур никогда не обещал того, что не сможет сделать. Сейчас пришлось.

В машине он сунул Бонусу мобильник:

– Звони в дежурку, пусть пробьют данные Аллы.

Чтобы не терять времени, взял курс на Васильевский ост-

ров. Мосты уже разведены, придется ехать в обход, по вантовому.

– Хрен они пробьют. В «бандита» режутся.

Когда вышел закон об игровых зонах и стали закрываться павильоны, один автомат коллеги конфисковали у хозяина игрального зала на память. Поставили в дежурную часть рядом с ящиком для доносов. Скидывались с полочки по сотне и заряжали, благо закон не распространялся на учреждения, служащие народу. В трудную минуту снимали нервное напряжение. Первый джекпот сорвал, разумеется, замполит.

– Звони, звони...

К ливню добавился град. Машину могло занести на повороте, но Артур не снижал скорость. Даже храбрый «участник боевых действий» почувствовал себя неуютно. И пристегнулся ремнем.

– Не гони так. Скользко.

Майор не ответил, всматриваясь в дорогу.

Свернув с кольцевой, он не прекратил гонку. Притормаживал лишь на перекрестках.

– Все наши беды от превышения скорости, – философски заметил Бонус.

– В каком смысле?

– Во всех.

Алла жила на дальней от центра стороне острова, в доме дореволюционной постройки. Здесь гроза уже отстрелялась, в огромных лужах отражались освещенные окна и неразби-

тые фонари.

Домофон отозвался пьяным женским голосом:

– Кто там?

– Полиция штата Калифорния.

Начались обычные в таких случаях препирательства. «Не вызывали, приходите утром, не имеете права». Артур не стал устаивать диалог, просто рванул дверь на себя, благо она была деревянной.

У квартиры повторил просьбу открыть, в случае отказа пообещав взорвать кумулятивным снарядом. Бонус подтвердил серьезность намерений, сунув в скважину свой гвоздь.

Женщина, хоть и была под градусом, оценила серьезность намерений и впустила ночных гостей из карательных органов. К слову, градус был не очень высок. Она самостоятельно держалась на ногах и вполне членораздельно возмущалась. Внешне же она походила на подержанную машину. Пять лет пробега без капремонта, морда битая, но покрашенная, торг уместен.

– Заткнись, – вежливо прервал приветственную речь Артур Юрьевич, отодвинул хозяйку и быстро осмотрел ее жилище. Ничего, кроме обычного бардака, не обнаружил. Незаправленная тахта, слой пыли, хоть картошку сажай. На кухонном столе – полупустая поллитровка, рюмка, пластиковый стаканчик с остатками квашеной капусты и шкурки от докторской колбасы.

– Ты Алла?

– Ну я. Чего дальше?

– В одиночку бухаешь? – показал на бутылку Артур.

– А что, не имею права?

– Имеешь.

Одета она была не по-домашнему. Словно не спать собралась, а на дискотеку.

– Алло, господа... В чем пафос?

Общение с представителями милицейской интеллигенции, видимо, было для Аллы делом привычным, и должного трепета она не испытывала. Но все же не смогла скрыть волнения, которое было вызвано отнюдь не ночными визитерами и не шортами Артура Юрьевича. Пальчики тряслись, глазки моргали, уши краснели.

– Дурой не прикидывайся... Надя была у тебя? С пацаном?

– Ну была. – Алла уселась на табурет и закурила с третьей попытки. Не могла попасть сигаретой в зажигалку.

– И куда они делись?

– Уехали... Часов в десять. Позвоните ей, спросите.

– На чем уехали?

– Откуда я знаю? Я их не провожала. На метро, наверное.

– А у тебя что делали? – Артур еще раз обвел взглядом кухню.

– Так, приехали, поболтали. Выпили немного. Костя телик смотрел, а мы на кухне сидели.

– Еще кто-нибудь был?

– Никого. Послушайте, какие проблемы? Ну ладно позавчера шумели, а сегодня-то...

– Проблемы у тебя.

Артур начинал закипать. С Аллой надо работать долго и обстоятельно. Но у него не было такой возможности. Плюс не было уверенности, что убийство совершено знакомыми Нади и что подруга к нему вообще причастна.

– И ты отлично знаешь, почему мы здесь. Поэтому и водку жрешь сама с собой. Артур набрал ее номер. Мобильник отозвался из комнаты. Он кивнул Бонусу, тот сходил за трубкой и начал просматривать входящие звонки.

Алла, несмотря на алкоголь в крови, бросилась на опера с криком «Отдай!», но нарвалась на хорошо поставленный удар в челюсть. Бонус не рефлексировал по поводу нарушения прав человека, к тому же женского пола. Нам, участникам боевых действий, чужды сопливые эмоции. Звон разбившейся тарелки, грохот упавшего тела...

– Сядь на место... Юрич, тут пара телефончиков стремных. Особенно последний. Пробьем и прокатимся.

Повторять попытку нападения Алла не стала. Она поднялась, разревелась, потом, смазав тушь руками, шепотом спросила:

– Что с ними?

Артур ответил. Подробно. И про мусорный бак, и про галстуки.

– О, господи...

Она быстро вылила остатки водки в рюмку, но выпить не успела – майор был начеку.

– Сначала расклад, потом травись. И давай без недомолвок. Здесь не мочалку украли.

– Будем бить, – добавил Бонус, вытащив изо рта гвоздь.

Алла вытерла нос, поставила рюмку обратно. Как и подзревал Артур, опьянение было больше показным. Для публики. Если язык чуток и заплетался, то мозг работал в нормальном режиме.

– Мы на той неделе у Пашки были... Дубровкина. Там, нам Матросова. Это приятель наш. В одной школе учились. Он на пять лет старше.

– Дубровкин? Который за бакланку сидел? В смысле, за хулиганство, – припомнил майор.

– Да... Он.

Майор сделал знак Бонусу, чтобы включил диктофон в мобильнике. На случай, если утром дама откажется от своих слов, останется хоть какое-то доказательство.

«Доказательство... От тебя сейчас других доказательств ждут».

– Но сейчас он бизнесмен, в нефтяную контору пристроился. Пасьянсы из кредиток раскладывает. «Мерина» себе купил, квартиру в новом доме.

– Напротив Надиного?

– Да... Двушку. Ремонт сделал. Ну и пригласил нас. Похвастаться. Типа, каким крутым стал. Полянку накрыл. Схо-

дили, посмотрели. Хата как хата... Сели, выпиваем. Тут приятель его притащился. Гарик. Игорь, то есть. Тоже из нефтяных кругов. На коксе вроде сидит. Пашка говорил.

– Так на нефти или на коксе? – уточнил Бонус.

– На том и другом. Чтобы был кокс, нужна нефть.

– Не перебивай, – шепнул Артур, потом кивнул Алле: – Продолжай.

– Ну чего... Посидели, выпили... Этот Гарик на Надю глаз положил. Я сразу поняла. Она ж красавица...

Последнее слово было сказано с легким раздражением. Даже сейчас, зная, что подруги нет в живых, Алла тайно завидовала ее внешним данным, как и заведено у лучших подруг.

– Но – обломилось... Надька тоже с гонором, да и язык подвешен. Гуляй, типа, мальчик... Обойдусь без любви с первого цента. Дурочка... Я понимаю, мужик бы был у нее постоянный... Всё выбирает. Вот, довыбиралась...

– А пацан от кого?

– А... – поморщилась Алла. – Курсант один. С Дальнего Востока или с Камчатки. Учился здесь. На гражданско-го летчика. Надька глупая была, голову потеряла. Женимся, женимся... А он, как узнал, что она ребенка ждет, тут же к себе слинял, даже училище не закончил. И ей бросить пришлось. Сначала с Костей сидела, а потом не до учебы. Семью кормить надо. Мать на инвалидности, диабет у нее. Братец только школу закончил да Костик. Всё на ней.

Алла снова закурила:

– Мыкалась, мыкалась... Сейчас в кафе, два через два. Да квартиры отстойщикам всяким убирает. С ее-то внешне-стью!.. Дурочка. Мужики слюни пускают, а она всё того придурка с Камчатки забыть не может. Он бы, козел, хоть копейку на сына прислал. Сволочь!.. В общем, отбрила этого Гарика. А чего он ей сделал? Подумаешь, ущипнул. А она дверью хлопнула да сказала ему пару теплых... Я ей после позвонила, мозги вправила. Одно дело, когда ее клиент дра-ный в кафе ущипнет, за это можно и по роже, другое – зна-комый навороченный. Тем более в шутку.

– Логично, – поддакнул Бонус.

– А этот, видать, не привык, когда дверью хлопают и по-сылают. С его понтами – запаadlo... Короче, вчера Пашка позвонил. Часов в пять. Так и так, Гарик извиниться хо-чет, приходите. С нас шампанское и цветы. Я прикинула, что по телефону Надьку не уговорю.

– А тебе очень хотелось сходить, – догадался Артур.

– А почему нет? Это ж не гопота помойная. Серьезные люди.

– Да уж... Серьезней некуда. Дальше.

– Позвонила Надьке. Приезжай, посидим поболтаем. Ти-па, я платье новое купила, заценишь. Она приехала. С Ко-стей. Посидели, выпили немножко. Она вино привезла. Я про Гарика разговор завела, мол, мучается парень, пережи-вает. Извиниться хочет. Типа, не подумавши полез. А Надька

и сама поняла, что переборщила. Ладно, говорит, поехали, пускай извиняется. Я, дура, ей тему прогнала, что он запал на нее. Не по-детски. Дескать, Пашка сказал. А что такого? Я ж ей помочь хотела! Чего она без мужика мается?

– Помогла. Спасибо.

– Тачку поймали, приехали. Она думала Костика домой закинуть, а тот заканючил – хочу с тобой, хочу с тобой. Пришлось брать... Ну, в общем, Пашка с Гариком уже хорошие были. Правда, поначалу, в благородных поиграли. Пардона просим, готовы искупить кровью. Искупили...

Алла опять заревела, стала обзывать себя грязными словами и просить у подруги прощения. Артур подмигнул Бонусу, мол, не зря съездили, потом поторопил даму:

– Не реви. Что дальше было?

– Мы в гостиной сидели, Костик телик смотрел на кухне. Потом Пашка меня в спальню заманил и говорит шепотом – поезжай домой. Гарик с Надькой поговорить хочет один на один. А при посторонних стесняется. Ты выйди на площадку покурить и линияй по-английски. Я, дура, и поверила. Ну кто ж такое предположить мог?! Тем более Костик с ней. Это как обнюхаться надо! Да у меня и в мыслях ничего дурного не было! Пашку мы с пятого класса знаем! Ну да, выпивал, из школы один раз чуть не отчислили. Но кто из нас не выпивал?! Не мог он... Это Гарик. Пидор...

– Мог не мог – не твоя забота, – прервал Бонус.

– Погоди, – притормозил напарника Артур, – так ты уеха-

ла?

– Конечно! Я ж как лучше хотела!

Алла протрезвела окончательно. Не исключено, что она недоговаривала, но в целом пока не врала.

– Ну и всё... Домой вернулась. Как раз гроза начиналась.

– Всё?! А чего ж ты водку-то пить стала? От счастья, что жива осталась? Эй, девочка, сосредоточься! – Артур пощелкал перед ее лицом пальцами. – Или тебя к помойке свозить на экскурсию?

Алла поднялась, включила воду и вымыла лицо. Больше не садилась:

– Не надо... Мне Пашка позвонил. Сказал, если будут спрашивать, то мы у них не были. Надя с Костиком от тебя ушли, и больше ты их не видела. Я спросила, что случилось, а он не ответил.

– Во сколько звонил? – уточнил Артур.

– В десять пятнадцать, – ответил за Аллу Бонус, показав входящие на мобильнике. – Это его номер?

– Да... Он на нервяке был. Я сразу поняла: что-то стряслось... Еще пригрозил. Не дай бог, ляпнешь...

– Ну, правильно пригрозил... Как только алкоголь выветрится, поймет, что ты не подружка, Алла, а живой свидетель. Готовься.

– Но вы же их...

– Но пока-то не поймали. А они в пятнашки начнут играть. На выбывание.

Алла принялась активно жевать ноготь на мизинце.

– Номер хаты его давай, – оторвал ее от процесса Артур.

– Девяносто восьмая.

– Этаж?

– Четвертый.

– «Мерин», говоришь, у него? Не показывал случайно?

Из окошка?

– Показывал. Если не соврал, что это его. Серебристый такой. С двумя дверьми.

– Окно на помойку выходит?

– Нет, на улицу. Помойка во дворе.

– Ладно, теперь можешь плакать, – разрешил Артур Юрьевич. – Нет, еще вопрос. Сумочку она у тебя не забыла?

– Нет, она за тачку платила, кошелек доставала.

– Понял. Теперь слушай. Сиди дома, на звонки не отвечай, двери никому не открывай. Кроме нас, конечно. Мы позвоним условным – два длинных, один короткий. Меня звать Артуром. Мобилу твою мы временно конфискуем.

– Зачем?

– Чтоб Дубровкину не стуканула сдуру. Кто тебя знает...

На память ты его номер вряд ли помнишь.

– Я не буду ему звонить! Я что, ненормальная?

– Мы все иногда ненормальные. В зависимости от обстоятельств... Береженого Бог бережет.

«Или Основатель?»

Бонус сунул Аллин «Самсунг» в карман и цепким взгля-

дом обшарил кухню – не конфисковать ли еще чего, представляющего интерес для следствия. Но ценных предметов быта или деликатесных продуктов питания не наблюдалось.

– И завязывай куртизанить, – предупредил Аллу майор.

В другой раз он, конечно, не оставил бы такого свидетеля, забрал с собой. И если надо, прятал бы до суда.

Но сегодня будет ЕГО суд.

На обратном пути застряли. На кольцевой, перед вантовым мостом, не удержавшись на мокрой дороге, перевернулся дальнобойщик на «КамАЗе». Перевернулся неудачно – перегородил три полосы. Несмотря на ночь, мгновенно образовался хвост из таких же грузовиков и запоздалых легковушек.

Артур попытался втиснуться без очереди, но без толку – спешил не только он. До ближайшего съезда с кольцевой три километра. Очередь еле двигалась.

– Быстрее бы по городу доехали, заметил Бонус, – ночью пусто.

– Мосты. – Артур нервно барабанил пальцами по рулю. Байтовый мост через Неву не разводился.

– Хотя куда теперь спешить? Расклад ясен, а эти упыри никуда не денутся. Они ж не олигархи, за бугор не слиняют. Отловим. Ты чего, этого Дубровкина знаешь?

– Не очень. По пьяни забирали как-то. Из «Нирваны».

– А сидел за что?

– Не повезло. На Невском наши оппозицию гоняли, а он

мимо шел. Омоновец дубинкой зацепил, Паша ответил сгоряча. В отдел загребли вместе с оппозицией. Всем по году за хулиганство. Не за политику же...

– Так, может, он и правда в оппозиции?

– Ага. Из него карбонарий, как из жопы пистолет. Правда, парнишка нервный. Топ-менеджер хренов...

Артур посмотрел на небо. Нет ли грозного лика и грозящего пальца? Нет, одни тучки и реклама страховой компании на огромном щите. Летящий к земному шару огромный метеорит и слоган «Конец света – не повод для расстройств. Работаем круглосуточно».

«Интересно, это тоже приветик от Основателя? Вряд ли, скорее, причуды рекламного агентства. На всем бизнес делают. А что, может, позвонить, застраховаться, пока не поздно? От конца света? За дурака не примут – сами же предлагают. Правда, непонятно, кто страховку получит».

– Я пока вздремну, – Бонус откинул кресло, – всё равно стоим. Опер спит – служба идет.

Артур вышел из машины оценить обстановку. Впереди мелькали маячки «скорой», видимо, есть жертвы. Что и неудивительно в такую ночь.

Он не ошибся. «КамАЗ» протаранил отбойник на разделительной полосе и снес столб. Кабина всмятку. Вместе со всеми, кто в ней был. Ночка удалась...

В пробке потеряли сорок минут. Еще двадцать мчались по городским улицам, окатывая водой из луж круглосуточ-

ных торговцев арбузами.

Возле помойки продолжался осмотр. Начальственных машин прибавилось. Все хотели лично найти какую-нибудь улику и отличиться. Артур объехал место происшествия, притормозил у противоположной стороны нового дома. Разбудил Бонуса и велел подождать в машине. Сам выскочил, нашел нужный подъезд и вычислил окна. Алка не обманула, четвертый этаж. Есть лоджия, но она застеклена. Свет не горит. Либо затихарились, либо свалили.

Посмотрел на парковку. Серебристый «мерин» мок вместе с другими машинами прямо напротив окон своего хозяина... Блин, справа от него еще один. И тоже с двумя дверями... Придется пробивать, какой из них Дубровкина. А это время. Но рисковать нельзя.

Переписал номера, вернулся в машину, позвонил в дежурку – установить хозяев. Дежурный пообещал, но не быстро – все на ушах, он не успевает на звонки отвечать. Даже ручку у «бандита» дернуть некогда.

Оставалось наблюдать за окнами. Артур ненавидел ждать, особенно находясь в цейтноте. Иногда, застряв в пробке, парковал машину и шел пешком. Даже зная, что потеряет больше времени.

Бонус, не догадываясь о планах напарника, недоумевал:
– Чего ты мудришь? Вон командиров сколько. Доложим, пускай штурмуют! Мокруха вообще не наша забота, а «убойщиков»! Мы, блин, раскрыли, так еще и задерживать долж-

ны. А нас даже в приказ не включают!

– Ты хочешь попасть в приказ?

– Дело не в том... Я за справедливость.

– Я тоже. Поэтому задержим сами.

Свет в окнах Дубровкина не зажегся. Жалюзи не шевелились. Скорее всего господа укатили на машине этого Игоря-Гарика и сейчас продолжают вечеринку. Либо вызвали такси. Деньги у ребятешек водятся. ««Газпром» – мечты сбудутся».

Через пятнадцать минут Артур перезвонил в отдел. Дежурный сумел отбиться от «бандита» и установить хозяев «Мерседесов». Один действительно принадлежал Дубровкину.

– Так... Я сейчас пошумлю, – Артур достал из-под сиденья оперативный ломик, – а ты встань у подъезда. Если выскочит – треножь.

– Он здоровый?

– Не очень. Постарайся, чтобы не орал. Потом тащи в подъезд.

– А если оба выскочат?

– Как говорят наши друзья-американцы, полицейский значок уважают многие, а револьвер – все. Клади на землю. Я подстрахую.

Они вышли из машины. Бонус притаился за одним из припаркованных у подъезда джипов. Кустов возле дома еще не посадили, иных укрытий не было. Подъезд, как и окна

Дубровкина, выходил на проспект.

Артур подошел к «Мерседесу». Тот стоял прямо под фонарем. Специально, чтобы воры побоялись поживиться содержимым салона. Под стеклом мигала синяя лампочка сигнализации. Майор знал эту систему. У хозяина пейджер – если что-то случится с машиной, он заголосит. Что нам и надо.

Обидно, если их не окажется дома. Машину жалко, хоть она и неживая. Лишь бы наши не услышали. А то прибегут, начнут в свистки свистеть, матом ругаться.

Короткий удар.

Треск разбитого лобового стекла.

Тревожная песня сирены...

Артур не остановился на достигнутом. Фары, окошки...

«Хозяин, хозяин! Убивают!!! Просыпайся, беги на выручку!»

Майор рассчитал правильно. Звонки в дверь и уговоры открыть ни к чему бы не привели. А окажись в квартире посторонние, то последствия вообще непредсказуемы. Возьмет Дубровкин гостей в заложники и потребует вертолет до Лондона. Один раз такое в практике Артура уже случилось. Заглянул случайно к свидетелю уточнить кое-что, а у того земляк в гостях, за которым восемь похоронок. В заложники свидетеля и взял. Два дня выкуривали со спецназом и собаками. Свидетеля всё же успел уложить.

А «мерину» уже все равно. Даже если конец света не наступит, хозяин за его руль не скоро сядет. Или совсем не ся-

дет.

Жалюзи дернулись! Есть! Пьяный, а соображает, когда дело доходит до уничтожения личного имущества... Но свет не врубает! Не совсем, значит, пьяный. Ничего, сейчас окончательно протрезвешь...

Удар по капоту. Очень больно! Стекло можно заменить без проблем, а кузовные работы подороже встанут. Извини, «мерин», лично к тебе я претензий не имею. Все претензии к хозяину.

Артур не изображал из себя Терминатора. Наоборот, качался, тряс головой и матерился. Пьяный мудака в шортах безобразничает, обычное дело. И милицию вряд ли кто вызовет – пускай хозяин сам разбирается и выясняет, за что его тачку громят. Может, водой из лужи кого окатил...

Майор бросил взгляд на освещенный подъезд. Между этажами мелькнула тень бегущего вниз человека. Он сделал знак Бонусу, мол, готовься к приему дорогого гостя, сам же всё той же качающейся походкой двинул к парадному.

– Ты чё, пидор, творишь?!!

Прокричать слово «Убью!» молодой нефтяник не успел. И вообще ничего не успел. Выскочивший из засады Бонус, не вынимая изо рта гвоздя, без стеснения зарядил Дубровкину ногой в паховую область, как рекомендуют учебники по самообороне. Одновременно, словно по заказу, сверкнула молния, усиливая эффект. У нас же здесь не сериал дешёвый, а высокобюджетный фильм. Звезд, правда, нет, но зато

трюки на славу.

Тут же зажал ладонью рот посиневшему от боли и страха Паше и с помощью подсечки опрокинул на асфальт. Не удержался и следом загремел сам. Даже героический участник боевых действий имеет право на ошибку.

Хорошо, что Артур Юрьевич был уже рядом.

Прыжок, удар голой коленкой в голову врага. Принуждение к миру. Враг прекратил сопротивление.

Бонус сцепил руки браслетами. Чужие, разумеется. За спиной.

Подняли, подхватили, понесли. Быстро, словно на учениях по гражданской обороне.

Подъезд, лифт, площадка...

Дверь незаперта. Как юноша разволновался из-за машинки! Даже запереть не успел...

Артур велел Бонусу подержать задержанного, сам аккуратно, держа наготове ствол, прошел в квартиру. Нашупал выключатель, зажег свет – тихариться не имело смысла.

Гостиная. Стол с остатками жратвы и выпивки. Три рюмки в вазе. На стене деревянное распятие. Богобоязненные мы, крестики носим... Рядом с распятием – мишень от дартса.

Пусто. В смысле безлюдно. Дальше – спальня. Покрывало на полу. Разворошенная кровать. Но не Пашей. Паша в джинсах и футболке. Видимо, сидел в гостиной, когда автопейджер сработал. Думу думал горькую, что делать. Вол-

новался, переживал, вместо того чтобы следы заметить.

А следы – вон они, возле кровати. Бусы рассыпанные, трусы рваные. Утюг брошенный. С длинным шнуром. Есть что предъявить.

На лоджии – никого. Сверху «Мерседес» смотрелся очень хорошо. Жаль, не успел крышу рихтануть.

Проверил на всякий случай шкафы, кладовую, ванную и сортир. Если кто-то и был в квартире, то только в прикроватной тумбочке.

Вернулся на площадку. Дубровкин, дыша перегаром и заикаясь, угрожал и требовал зачитать его права. Видимо, Бонус уже представился. Доходчиво. Нечаянно перекусив свой гвоздь. Поэтому Паша и заикался.

Артур схватил его за футболку, поволок следом. В спальне подсек и ткнул лицом в бусинки. Потом поднял утюг и шнуром обмотал Пашину шею. С точки зрения криминалистики, он был неправ – на шнуре могли остаться следы. А уж с точки зрения уголовного процесса, вообще незачет...

Но у нас ночь Накануне.

Никто не узнает и не погрозит пальцем.

– Молись, баклан!..

Дубровкин захрипел, начал пускать пузыри, замахал руками, мол, дайте слово перед смертью молвить. Артур ослабил шнур.

– Это не я! Клянусь!.. Здоровьем клянусь! Не убивайте!!! Это Гарик! Переклинило его! Не надо, не надо! А я не хотел!

Дубровкин сморщил рожу и заревел, словно провинившийся детсадовец, оставленный без компота.

– Рассказывай, урод, – Артур отпустил его и снял с шеи шнур, – чего ты не хотел?

– Чтобы он... Отговаривал, в общем...

...Ничего неожиданного опера не услышали. Гарик положил глаз на Надьку, а она посмела взбрыкнуть. Да еще по морде дала. Такое приличные люди не прощают. А особенно сын известного, высокосидящего папаши.

– Того самого? – переспросил Артур, услышав фамилию.

– Да...

Попросили Алку заманить подружку в хату. Она действительно не знала, зачем. Потом велели свалить. А Надька с пацаном притащилась. Пацана на кухню отправили, там телик есть. Мультики включили.

Гарик Надьку в спальню позвал, та лоханулась, пошла. Дальше предъявил – типа, чего ты, сучка кафешная, брыкаешься? Не хочешь проблем – в койку падай. Она – к дверям. Гарик ей в челюсть кулаком, потом подушку на голову.

– Что, один?

– Ну... это... Он же здоровый парень. А много ли ей надо? Я отговаривал его, но... Надьке удалось вырваться. Закричала, что его посадит. Тут Гарика и переклинило, даром что в две ноздри кокса зарядил. Утюгом приложил, потом шнур на шею. Попугать хотел. Да не рассчитал...

– Я просил пацана не трогать... Правда... Но он же невме-

няйко...

– Скажи еще, на колени перед ним встал.

...Потом завернули в покрывало и по очереди вынесли на помойку. Сверху закидали мусором, чтобы не нашли. Сумочку тоже выкинули. Алке позвонили, что она у них не была...

– А тряпки вокруг шеи? На хрена?

– Я ж говорю, переключило его. Кокс колумбийский, вот и решил им колумбийские галстуки сделать. Из ее же платка.

«Ох, неспроста Основатель задумал мероприятие именно сегодня... У нас не только экономический кризис... Черепно-мозговой. Попробуй докажи право на существование после таких подвигов...»

– Где он сейчас?

– Не знаю... Он уехал сразу...

Артур вновь схватил утюг и носиком саданул по дубровинской коленке. Тот испуганно вскрикнул и забился в судороге. Полицейский значок уважают многие, утюг уважают все.

– Не доводи до греха. Еще раз спрашиваю, где он?

– В клубе, наверное! В «Убежище»! Он там все время зажигает! Это бати его клуб!

– На чем поехал?

– На машине.

– Понятно, что не на метро. Что за тачка?

– «Кайен». «Порш». Желтый металлик.

– Под коксом за баранку сел? – уточнил Бонус.

– Да кто ж его остановит?

Артур бросил утюг в угол, закурил:

– Где этот клуб?

– На Петроградке. В бывшем бомбоубежище, за женским монастырем.

– Одет во что? Быстро!

– Пиджак такой... светлый. Синяя рубашка.

– Фотка есть?

Дубровкин робко кивнул на мобильник. Бонус открыл альбом с картинками, начал листать.

– Вот, – затормозил Паша.

Улыбающаяся физиономия. Без особых примет, как пишут в сводках. Артур постарался запомнить.

До окончания отведенного Основателем срока полтора часа.

В принципе, если зайти в дверь даже за минуту, время остановится. Можно успеть. Правда, Артур пока так и не решил, куда отправится доказывать право на существование.

Он жестом позвал Бонуса в гостиную, где озвучил новые вводные:

– Я в клуб. Остаешься с этим. Сиди, пока не позвоню.

– Может, наших позвать? Ясно же все. Чего мудрить? Я, между прочим, дежурю. Случись что, кто поедет?

– Я постараюсь побыстрее. А наших звать не надо. Слы-

хал, кто у него папашка? Тут же просигналят. Чадо ваше порезвилось, имейте в виду. Все ж повязаны...

– Ну да, – с грустью согласился Бонус.

– Ты времени не теряй. Побеседуй с ним, пока он уютюгом подогретый. Что еще про этого Гарика знает. Если интересное расскажет, сразу звони.

– А если ему кто позвонит?

– Не отвечайте. Пьяный он. Спит.

Артур слетел вниз, добежал до машины, с третьей попытки завел двигатель. Гонка по городу не прошла даром для старушки «ауди». Пенсионный движок перегрелся. К тому же ремень генератора держался на матерном слове. Новый стоил дорого, ибо машина была старой, и купить запчасть можно только по заказу. А семейный бюджет не рассчитан на приобретение предметов роскоши. Завтра вон за секцию Лешке платить. И квартплата на подходе.

Лешке, его сыну, тоже семь. Как и Костику...

Возле Летнего сада машина умерла окончательно. Ремень не выдержал нагрузки. На оставшейся энергии аккумулятора Артур дотянул до моста через Неву. Мост уже свели, но радости это не добавило.

Он быстро прикинул. Тачку на последнюю сотню – смешно. По удостоверению никто не повезет – рыночные отношения. Бегом до клуба уйдет минут сорок. Про волшебную дверь в этом случае можно забыть, вернуться он не успеет. Но если рвануть в компьютерный магазин сейчас, успеет.

«За час уложусь, нормативы сдавал недавно».

К тому же не факт, что урод именно в клубе. Даже если поехал туда, мог уже слинять.

Артур вышел из машины. Для очистки совести заглянул под капот, хотя и так было понятно, что исправить он ничего не сможет. Закрыв двери, добежал до площади перед мостом – там постоянный пост ГИБДД, можно попросить тачку. Но пост пустовал, в такую погоду хороший начальник на службу подчиненного не выгонит.

Попробовал голосовать. Бесплезно... Какой вменяемый ночью посадит человека в бермудах? Даже за двойной счетчик.

Человек в бермудах еще раз посмотрел на часы, злобно сплюнул на мокрый асфальт и побежал на мост.

...На рамке его встретили два строгих вышибалы с дубинками-металлоискателями. На их лицах читалось, что заведение частное, – посетителя могут не пустить без объяснения причин. Табличка у дверей рекомендовала соблюдать приличную форму одежды. Подпадают ли под это определение фруктовые шорты и футболка с надписью «Рожденный убивать», нигде не разъяснялось. Но это мало волновало майора.

– Отлить пусти, – он предъявил удостоверение, – очень хочется. Простатит. Еле добежал...

Тяжелое дыхание и струившийся пот подтверждали слова.

– Лечиться надо, – сочувственно порекомендовал один из вышибал, уступая дорогу.

– Туалет внизу, в конце малого зала.

– Благодарю.

Рамка противно зазвенела, среагировав на ствол и наручники. Артур спустился в бывшее бомбоубежище. Народ активно клубился, несмотря на будний день. Происходящее напоминало танцы в вагоне метро в час пик. Плюс дымовая завеса, официанты с подносами и голая девица на шесте. Монотонная музыка заглушала голоса.

«Убежище».

Но никто не прятался. Все танцевали, нюхали кокаин, пили алкоголь и веселились. Хотя в чем заключается веселье, майор не понимал. Но чувствовал, что им весело. Артур был уверен, что подобное времяпровождение вышло из моды лет пять назад. Выходит, ошибался.

Искать Гарика в этом заведении, ориентируясь на фотографию из мобильника, – пустое занятие. Но он был здесь – прежде чем спуститься в «Убежище», опер осмотрел парковку. Вряд ли «порш» цвета мочи принадлежал кому-то еще. Слишком редкий окрас. Трюк с разбитым стеклом уже не прокатит. Паркинг наверняка под камерами слежения, сразу охранники прибегут. Ждать хозяина возле машины тоже опасно. Когда он выйдет? А время не резиновое.

Да, у парнишки высокая степень отморожения. Задушил двоих и тусоваться поехал, вместо того чтобы в нору забиться.

Он протиснулся сквозь танцующих. Никто не обращал

внимания на его внешний вид. Скорее обратили бы, будь он в костюме с галстуком.

Заметил свободное место у столика-грибка, встал, осмотрелся. Светлый пиджак, синяя рубашка. Дохлые приметы. К тому ж Дубровкин мог и соврать. Вернее, умышленно перепутать. Можно, как в кино, позвонить ему на трубку, но в этом грохоте все равно ничего не услышишь.

Дама на шесте закончила акробатический этюд, в углах зажглись лампы, освещаая зал. Он действительно был стилизован под бомбоубежище. Тяжелые двери с поворотными ручками-колесами, темно-зеленые стены, вместо картин – инструкции по оказанию первой помощи и правила пользования противогазами. Трубы вентиляции под потолком. Барная стойка, шест и кислотная музыка немного выбивались из композиции.

– Здравствуй!!!.. Скучаешь?!!

Артур повернулся на перекрикивающий музыку голос. Рядом пристроилась девица лет восемнадцати. Невысокого материального достатка, судя по одежде и украшениям. И невысокого сословия, судя по манерам и отсутствию чувства меры в косметике. От нее пахло мятным ликером и общежитием.

– Очень! – крикнул на автомате Артур и продолжил сканировать зал.

– Ты один?!

– Ну, раз скучаю, значит, один!

– Я составлю компанию?! Не возражаешь?!

– Составляй! Черт... Время, время...

– Меня Катей звать!! А тебя?!

– Артуром!

– Юрой?! – не расслышала девица.

– Артуром!

– Красивое имя! Коктейлем не угостишь?!

Она не походила на куртизанку, хотя те обхаживают клиента подобным манером. Скорей всего искала любви с первого цента, как говорит Бонус. На внешность жертвы не ориентировалась. Подумаешь, в бермудах. Лишь бы человек был хороший и с жилплощадью. Наверняка приехала в Питер из какого-нибудь прекрасного далека. Живет в студенческом общежитии и готова стать частью интерьера любого состоятельного мужчины.

– Угощу!.. Потом!

– А ты местный?!

– Да!

– А я из Великобельска! От слова «белочка»! У нас белок много... А здесь учусь!

«Дьявол, ни одного светлого пиджака! И фотка на мобильнике неизвестно когда сделана. Не подходить же и не спрашивать: «Это не ты Гарик, который двоих задушил?»»

Кстати, не исключено, что не двоих... Слишком просто на мокрое пошел, даже под кокаином.

– Что?!

– Учусь здесь! В педагогическом!

– На учителя?!

– Нет, на юриста!.. А ты чем занимаешься?!!

– Писатель я! Фантаст! – наобум прокричал Артур.

Раз в педагогическом учат на юристов, то почему он не может быть фантастом?

Интересно, а в чем предназначение этой Кати? В высоком смысле? Для чего-то ведь она нужна? Ей-то лично все ясно. Зацепиться за кого-нибудь, устроиться. Чтобы смело смотреть в светлое завтра. И не шариться по ночным клубам, рискуя подцепить СПИД или сесть на иглу. Не исключено, уже подцепила... Или ее предназначение в том, чтобы, как и тому композитору, оказаться в нужном месте в нужное время? И показать, например, мне Гарика...

– Прикольно! Ты здесь в первый раз?!

– В первый!

Предназначение? У каждого есть предназначение.

– А ты не в первый?!

– Нет! Тут классно!..

«У нас в педагогическом такие стипендии, такие стипендии, хоть каждую ночь веселись!»

– Слушай, – Артур приобнял девицу за талию, подвинул к себе и прокричал в ухо: – Мне тут друга одного найти надо! Гариком звать! Его папаша этот клуб держит! Ты же здесь всех знаешь! Не покажешь?!

– А зачем он тебе?!

– Предложение есть! Коммерческое! Долго объяснять!

С меня еще коктейль!

Мимо продиралась сквозь народные массы официантка.

– Девушка! – крикнул ей Артур. – Два коктейля!

«Проявляй к свидетелю истинный, а не показной интерес».

– Каких?!

– На ваш вкус!

«Денег и на половинку не хватит».

Официантка кивнула и скрылась в массах. Катя больше не задавала вопросов, только еще плотнее прижалась к Артуру. Любовь!

– Он в том зале сидел! – Она показала на дверь с ручкой-колесом в дальнем углу.

– В светлом пиджаке, да?!

– Нет! В кожаном! В черном!

– Точно?!

– Конечно!

– Давно приехал?!

– Не знаю, я только пришла.

Приметы, однако, не совпадают. Наверное, переоделся. У Нади голова разбита, мог заляпаться в крови. Либо Дубровкин, падла, соврал...

– У него «порш», да?!

– Да! Желтый!

Артур с трудом расцепил Катины объятия. Она выполнила свое предназначение. «Куда ты, Юра, куда? А как же я?!»
– Подожди, я сейчас! Потороплю с коктейлем!
«All dead, all dead...»

Гарик, как и предполагал Артур, не посыпал голову пеплом и не глушил совесть коктейлями. Шептался с блондинкой, прижав ее к стенке. Блондинка смеялась и целовала его. Если это, конечно, был именно Гарик. По крайней мере на рожу с мобильного Дубровкина он походил не очень.

Артур дотронулся до сумочки-грыжи, на ощупь расстегнул молнию. Пистолет был теплым – нагрелся от разгоряченного тела.

Нет. Сначала с ним надо поболтать. И послушать, что скажет.

Подойти и попросить выйти? На мента человек в бермудах не очень похож, есть шанс, что прокатит.

А если не пойдет? Он же накрученный, с распальцовкой. Чего ему ходить?

– Вон туалет, – чья-то рука опустилась Артуру на плечо.

Он вздрогнул, обернулся. Вышибала металлоискателем указал на дверь:

– Я ж сказал, в конце второго зала.

– Да-да... Я понял. Спасибо.

Наверное, они заподозрили, что опер пришел сюда вовсе не пописать. Ночью отлить можно под любым кустом, особенно когда ксива в кармане. Никто не предъявит.

Он быстро скрылся за дверьми мужского отделения. Тишина резанула по ушам. Заскочил в свободную кабинку. Возможно, здесь тоже есть камеры наблюдения. Записывать, как богемный народ нюхает кокс или жрет таблетки. На долгую коммерческую память... Под ногой хрустнул брошенный кем-то шприц.

Набрал домашний номер Аллы. Два звонка, пауза, повтор.

– Алло.

– Это Артур.

– Да-да... Слушаю.

– Никто не звонил?

– Нет...

– В чем был Игорь, помнишь?

– Да, конечно... В кожаном пиджаке и джинсах. Черных. И рубашка. Светлая. Бежевая, кажется. Вы... вы его поймали?

– Практически.

Артур отключил связь. Ну, Дубровкин... Сколько раз заикался верить на слово. Неужели нельзя было позвонить Алке сразу? Нет, ты не настоящий профи, Артур Юрьевич. Но зачем Дубровкину гнать такую залепуху? Он же сдал своего приятеля! На что расчет? Что не поймаем?

Хрен с ним, сейчас это не столь важно. Важно, что вышибала наверняка торчит за дверью и ждет. Чтобы проводить господина оперуполномоченного на свежий воздух. Нечего ему в «Убежище» делать. Тут серьезные люди таблеточный

бизнес мутят. А уважаемые гости отдыхают в меру своей испорченности. Ни в коем случае нельзя им мешать.

Артур вышел из кабинки, включил воду, склонился над раковиной. Возле соседней фыркал пузатый отрок с прилизанными назад патлами и узорами татуировок на руках. Больше в сортире никого не было.

С минуту мыл руки, затем подставил лицо под холодную струю. Если за ним и наблюдают, ничего аморального не заподозрят. Не ноги же он моет.

Полчаса... Тридцать минут... У него всего тридцать минут. Что делать?! Влетать в зал, объявлять приговор и... стрелять?

Не дадут. Да и левого зацепить можно в суматохе...

Отрок вышел. На секунду через дверь в сортир ворвалась музыка, и снова всё стихло. Правда, сосредоточиться мешал по-прежнему крутящийся в голове старенький хит «Queen».

Он продолжал тупо мыть руки. Думайте что хотите! Вот такой я! Настоящий мент с чистыми руками!

Потом поднес их к тепловентилятору. Обсохнуть надо.

Снова ворвался монотонный бесконечный аккомпанемент кислотного веселья. Артур через зеркало посмотрел на дверь.

...Ему должно было повезти! Он чувствовал, чувствовал это, когда побежал к мосту! Иначе совсем не справедливо. Совсем...

Убийца Нади и Костика зашел в крайнюю кабинку. Дверь

не запирал. От кого запираться? На стоящего у фена человека в шортах внимания не обратил.

Всё, даже если прибежит охрана, ему никто не поможет. И ни авторитетный папа, и ни платиновые адвокаты.

Артур подскочил к дверце, на ходу выхватив пистолет из грыжи.

– Занято!

– Свободно!

Носком ботинка ударил стоящему перед унитазом убийце в коленный сгиб. А когда тот с криком присел, зажал его шею между черепом на футболке и левым предплечьем. В правый же висок с силой вдавил ствол «Макарова».

И, разумеется, разъяснил права. В свободной форме. Суть их сводилась к простой формуле: дернешься, сука, – сдохнешь.

Несмотря на разъяснение, Гарик попытался вырваться, схватившись за левую руку Артура. На пол, сорвавшись с клипсы на его ремне, упал модный iPhone. Не подчинившись «закону бутерброда» – экраном вверх.

Засохшая кровь на манжете рубашки... Даже не переделся, ублюдок!

«Лицо подлежит ответственности только за те общественно опасные действия, в отношении которых установлена его вина...»

Вина установлена!

Артур отпустил его и толкнул вперед. Гарик успел подста-

вить руки и уперся в стену. Затем развернулся, попытался отступить, но вместо этого грохнулся на унитаза.

Майор, не опуская пистолета, повернул дверную задвижку:

– Привет, Гарик... Отдыхаешь?

– Ты... Ты чё?..

– Не ты, а вы... Уважай старших...

Артур представился, как предписывает приказ. Фамилия, звание, должность.

Он не собирался произносить голливудских монологов типа «сейчас ты будешь долго и мучительно умирать, вспоминая всю свою никчемную жизнь».

Просто зачитает приговор и приведет его в исполнение.

Зачитал... Прицелился...

Гарик не оправдывался, шипел какие-то дешевые угрозы. А может, дорогие, что уже не принципиально.

Зазвенел валяющийся у ног iPhone. Блин! Кто нас беспокоит в такой неподходящий момент?

Опустил глаза. На экране высветилась фотография. И черт бы с ней, но...

Это была фотография Дубровкина. Паша высунул язык и растянул пальцами рот. «Камеди клуб» хренов...

Что за фокусы? Как он может звонить? Он же скован наручниками за спиной. Что там случилось? Освободился?! Сбежал?! А Бонус?!

Не опуская пистолета, Артур медленно нагнулся, поднял

телефон и нажал кнопку «Ответить» на экране.

– Алло! Гарик! Гарик! – Дубровкин не говорил, а орал, словно кот, угодивший лапой в мышеловку.

– Да, – глухо ответил майор.

– Я тебе уже полчаса звоню! За тобой менты едут! Вали из клуба!

– А... Ты где?

– Дома! Мне позвонить разрешили! Уходи быстрее!

Полчаса звонит. В зале грохочет музыка, Гарик просто не слышал звонка. Справедливость есть!

Артур швырнул телефон в унитаз.

...Молодец, Бонус. Вот и заработал на «корейку». Черный металлик. Безо всякого кредита. Гарика ведь еще поймать надо... А Дубровкин, хоть и бухой, рассчитал трезво. Фотку другого человека показал, приметы левые назвал, звончек телефонный купил. Купил-купил, здесь без вариантов. Кто ж теперь Гарика поймают? Папашка не даст, ушлет на какие-нибудь офшорные острова. А пока Гарик не пойман, можно все на него валить. Да и с адвокатом приятель поможет, а то и с ментами вопрос решит...

Кризис. Полный кризис.

И не абы когда, а именно сегодня всё проявилось. Как на лакмусовой бумажке Потому что сегодня ночь Накануне, которая всё расставляет по своим местам. Страшный суд присяжных. Вся веселуха повывлезала.

Нет у нас шанса. Ни малейшего.

... Чего ты медлишь? Стреляй! Никто не услышит! Вышиби ему пропитанные кокаином, очумевшие от безнаказанности и халявных денег мозги! Покажи этому хозяину жизни, что такое настоящий рок-н-ролл! Сейчас прибежит охрана! Стреляй! Ты прав! Сто человек из ста будут на твоей стороне! Никаких сомнений! Он ведь даже не оправдывается и не просит пощады! Значит, виновен! Неотвратимость наказания – принцип любого законодательства.

И главное, через двадцать пять минут все равно all dead.

Стреляй!!! Ты же настоящий мужик! Опер. Не Бонус. Безо всякой сопливой лирики! Вспомни, как год назад уложил ковбоя, убившего свою семью! Терзался тогда? Ни секунды! Правда, ковбой тоже стрелял.

Представь, что и этот стреляет! Или хочет завладеть табельным оружием. По-любому, даже если Основатель повременит с концом света, ты отпишешься. И любой суд тебя оправдает. Да если и не оправдает – плевать! Уже плевать! Главное – случится торжество высшей справедливости.

Стреляй!! Быстрее!!!

Слышишь, как загрохотала музыка? Кто-то зашел в сортир.

У тебя две секунды! Ты мужик!

Артур прищурил глаз и приставил пистолет ко лбу поси-невшего от страха убийцы. «All dead, all dead...»

Он гнал «порш», словно жокей гонит лошадь на ипподроме. Разве что не пришпоривал и не стегал кнутом. Но орал примерно так же. На посту возле моста окатил дождевой водой выскочившего из будки гаишника. Тот хотел броситься в погоню, но передумал, заметив крайне бластные номера.

На одном из поворотов не удержал машину, выскочил на тротуар и протаранил пирамиду арбузов. Продавец успел отпрыгнуть в сторону. Красивый, наверно, кадр для боевика... Щетки смыли красные ошметки с лобового стекла.

В магазин он ворвался за две минуты до... Таймер работал, дверь не исчезла.

Реальность.

Артур отдышался, собрался с духом, повернул ручку и толкнул дверь.

Она открылась.

Он оказался на пороге уже знакомой квартиры. Из гостиной доносился смех. Бросил взгляд на кухню. Мальчик смотрел мультфильмы.

Артур неслышно прошел по коридору, остановился возле застекленной двери.

За сервировочным столиком с закуской и выпивкой сидели четверо. Надя, Алла, Гарик и Дубровкин. Дубровкин рассказывал анекдот. «Вот уже год она каждый день выходила

к метро с табличкой «Умерла мама, помогите на похороны». И только соседи по коммуналке знали, что она не врет».

Все, кроме Нади, засмеялись, потом выпили. Она действительно была красивой. Была...

И выглядела очень грустной. Словно предчувствовала.

...Нельзя исправлять прошлое. Даже если имеешь такую фантастическую возможность. Иначе не по правилам. Наверное, Основатель забыл предупредить. Кто знает, не приведет ли это к еще более страшным последствиям? Спасешь двоих, а погибнут сотни.

Исправленному – не верить. Это не работа над ошибками и не испорченный договор страхования жизни.

Артур шагнул в комнату. На него никто не обратил внимания.

Его не видели!

Основатель не дурак. Всё предусмотрел. Он не даст изменить прошлое. Наблюдай, но не вмешивайся.

Он подошел и взял Надю за руку. Она никак не реагировала.

– Уходите! Немедленно уходите! Слышите?!

Она не слышала. По-прежнему грустно смотрела в окно.

– Уходите! Я останусь вместо вас! Уходите!!!

Артур хотел опрокинуть стол, но руки прошли сквозь него, не сдвинув с места.

– Уходите!!!

Ему показалось, что их взгляды встретились. Возможно,

случайность.

Дубровкин жестом позвал Алку в спальню.

Уходите!!!

Гарик поднял валявшийся на полу дротик от дартса и метнул в мишень, висящую за спиной Артура. Дротик прошел сквозь майора и воткнулся в распятие, не попав в цель.

...Они с Надей снова посмотрели в глаза друг другу. Это уже не могло быть случайностью. Надя видела его. Или чувствовала присутствие.

Стоп! А может?.. Может, всё не по-настоящему?! Основатель просто придумал игру! Придумал правила! Я хотел зайти в дверь, но тут позвонил Бонус, попросил приехать... Случайность? Нет! Основатель создал условия, чтобы посмотреть на последствия. Кто как себя поведет. В этом и есть его план! Легко доказывать на чужих примерах, а ты попробуй докажи на своем! Не подозревая, что ты сам и есть доказательство. Ах, молодец! А это значит...

Значит, в реальной жизни ничего не случилось. Надя и Костик живы, а не лежат в мусорном баке! А я только играл в заданных условиях! Я же сыщик, как сразу не догадался?!

Или... или я все-таки ошибаюсь?

Алла вышла из спальни:

– Надь, я сейчас вернусь. Совсем забыла, мать просила заскочить... Я буквально туда-сюда...

– Хорошо.

Через минуту она покинула квартиру.

– Мне тоже пора. Дела. – Гарик встал с кресла, нечаянно зацепив початую бутылку с красным вином и запачкав манжет рубашки.

Надя принялась вытирать столик салфеткой.

– Надь, еще раз извини за прошлый раз... Не знаю, что на меня нашло. Дурак...

– Ничего... Я уже забыла.

– Я позвоню как-нибудь, если не возражаешь. Поужинаем... Или просто поболтаем.

– Конечно.

Он галантно поцеловал ей руку и вышел в прихожую...

Да! Это всего лишь игра! Они остались живы! Живы!!!

Артур проводил Гарика до дверей. Тот обулся и покинул квартиру. Майор вернулся в комнату, подбежал к окну. Увидел, как моргнул фарами желтый «порш», как Гарик уселся в него и отчалил.

Всё! Я угадал! Ха-ха-ха!!!.. Он никого не убивал! Это игра! Можно уходить!

Когда он уже взялся за ручку волшебной двери, услышал странные звуки из ванной. Притормозил и заглянул внутрь.

Перед зеркалом стоят Дубровкин. На стеклянной полочке белела дорожка из порошочка. Паша нагнулся с ней, поднес к носу трубочку и жадно втянул кокаин. С наслаждением зажмурился, потом открыл глаза и, мерзко улыбнувшись, посмотрел на свое отражение...

Отражения не было...

Артур увидел только себя!

Дубровкин по-волчьи принюхался, обернулся назад, словно почуяв присутствие постороннего, и облизнул желтоватые клыки.

Ха-ха-ха... А теперь можно и порезвиться...

И это не было условиями игры. Это было по-настоящему... Как и те красные галстучки, повязанные жертвам.

Чтобы не сразу нашли следы от зубов.

«... Как же ты мог перепутать вино на манжете с кровью?! Как же ты мог поверить на слово?! Положился на интуицию, на опытность? Сыщик хренов! Очки купи!»

Нельзя менять прошлое, Корнеев. Нельзя исправлять ошибки, нельзя вернуть потерянное безвозвратно... Как бы ни хотелось.

Надо просто не допускать ошибок. По возможности... Какие бы эмоции тобой ни управляли.

Основатель рассчитал грамотно. В этом и было испытание.

А сейчас возвращайся и жди приговора.

Он, покачиваясь, словно пьяный, вернулся в прихожую и открыл дверь...

Андрей Кивинов

Глава вторая

Бомонд

«Не слишком ли много коньяка за вечер, Бомонд?»

Не слишком. Всего-то...

Аркадий взглянул на стоявшую возле монитора поллитровку «Багратиона». Чуть больше трети в остатке. Нормальная рабочая доза. И потом, это не только за вечер. Начал-то практически днем, в шесть часов, когда сел за работу.

Он вообще в последнее время не мог работать без алкоголя. И вовсе не потому, что спиртное якобы стимулирует мозговые клетки. Просто то, чем он занимался, не приносило особого удовольствия. Скорее, наоборот, – вызывало легкую тошноту, грозящую со временем перейти в устойчивый рвотный рефлекс.

Аркадий трудился преимущественно по ночам. В шесть вечера садился за потертую, отполированную до блеска клавиатуру, на которой уже не было видно букв, а в четыре утра вставал из-за стола. Разумеется, делал перерывы. Один из них приходился на одиннадцать вечера. Под именем Бомонд он заходил в чат и общался с населением, дабы быть в курсе царящих в обществе настроений. Что в его профессии абсолютно нелишнее. Да и некоторые удачные фразы по-

сетителей тут же копировал в специальную папочку. Пригодятся. Тем более что никто не предъявит права на авторство. Это же Сеть.

Байки о знаменитостях, которые он рассказывал в чате, имели реальную основу. Некоторые истории происходили на его глазах, а некоторые с его участием. Обидно, что сам он знаменитостью не считался.

Аркадий был сценаристом. С его точки зрения, как минимум, талантливым. Хоть и без специального образования. Образование лишним не бывает, но коли нет в тебе искры Божьей, никакие курсы или институты не помогут.

И как часто это случается у гениев с большой буквы «Г», творец вступал в непримиримый конфликт с ремесленником, что и вызывало устойчивую потребность в коньяке.

Он считал себя творцом, а от него требовали ремесла. Те два сценария, которые он, выражаясь языком поэтов, писал кровью, так и пылились в ящике стола, зато пустышки для ситкомов³ или криминальных саг продюсеры брали на ура.

Поначалу он старался не халтурить, тщательно продумывал диалоги, логику поступков героев, но конвейер работал без остановки, и он махнул на качество рукой. Использовал штампы, воровал цитаты из других фильмов, а иногда откоро-

³ Ситко\$м – ситуационная комедия (англ. Situation comedy, sitcom) – жанр комедийного телевизионного сериала с постоянными основными персонажами и законченным сюжетом в каждой серии. Для ситкомов характерен закадровый смех.

венно прикалывался. Благо деньги платили, а народ кушал и требовал еще. Да и какое тут может быть качество, если в тридцать минут экранного времени надо помимо купленного у американцев или французов бредового сюжета впихнуть скрытую рекламу всякого ширпотреба? А потом еще слушать не менее бредовые замечания редактора и соглашаться с ними. Ибо, если не согласишься, тут же найдут замену.

Постепенно он вообще перестал спорить и делал то, что говорили. Надо пять трупов за серию – без проблем, надо десять шуток про секс – без вопросов!

Когда-то, миллион лет до нашей эры, он кропал статьи для городского еженедельника и подрабатывал сочинительством женских любовных романов для крупного издательства. Однажды коллега, халтуривший на популярном милицейском сериале сценаристом, попросил подменить его на пару серий. «Там ничего сложного – есть заданные герои, придумываешь простенькую историю по схеме «преступление – раскрытие – пьянка» и пишешь диалоги. Деньги небольшие, но, глядишь, заметят».

Попробовал. Придумал. Написал. Заметили. Предложили написать еще. Необязательно на милицейскую тему. Ну и понеслось... Еженедельник остался без журналиста, а издательство без любовного беллетриста Вероники Грин. Такой псевдоним выбрал Аркадий, потому что первый гонорар ему заплатили черным налом в зеленых долларах. Ее, вер-

нее, его последняя повесть «Ночь накануне», пылившаяся на подоконнике, была единственным напоминанием о незадавшейся писательской карьере.

К сорока трем годам, несмотря на полторы сотни написанных сценариев, он оставался известным лишь в узких кинематографических кругах.

Творил он в однокомнатной квартирке, оставшейся от покойных родителей. С собственной семьей не сложилось. Женился рано, еще в студенчестве, по пламенной любви, но быстро и также пламенно развелся. Теперь регистрировать отношения не спешил. Любовь любовью, но потом ведь имущество делить придется.

Прочитав фразу Основателя о коньяке, он почти инстинктивно оглянулся на окно – задернуты ли шторы? Просвет шириной в ладонь имелся. Аркадий встал, осторожно выглянул наружу. Теоретически за ним могли наблюдать из дома напротив. Или из салона женского белья, расположенного левее. Или, если уж совсем постараться, с крыши ночного клуба «Убежище», неоновая вывеска которого светилась справа.

Но зачем?!

В принципе, под ником «Основатель» мог скрываться какой-нибудь приятель, знающий об особенностях его творческой кухни. Тогда всё понятно – прикол в стиле Ури Геллера. Типа, читаю позорные мысли на расстоянии.

Интересно, а про остальных тоже знал? Или пальцем

в небо?

От раздумий его оторвал забренчавший в прихожей телефон. Ага, наверно, звонит этот неизвестный приятель. Признаться в розыгрыше и посмеяться.

Аркадий вышел из комнаты и снял трубку:

– Слушаю.

– Алло, Аркадий Петрович! Добрый вечер!

Нет, не приятель. Звонила ассистент режиссера, Людочка Савельева, – юная особа, страстная поклонница Гоши Куценко, побрившая голову до зеркального блеска и наколовшая профиль кумира на костлявом плече.

– Извините, что так поздно, но я по поручению Ильи Васильевича. Он с Валерием Михайловичем срочно улетел в Париж. Что-то там не в порядке с условиями лицензии. Просил сценарий отправить прямо Игорю, на его адрес.

Илья Васильевич руководил проектом, в котором участвовал Аркадий. Валерий Михайлович был главным редактором. Оба в обязательном порядке вычитывали сценарии, делали замечания и только после внесения правки утверждали и передавали молодому режиссеру Игорю, фамилию которого Аркадий, если честно, не помнил. Если Илья Васильевич по каким-либо причинам не успевал прочесть, то работу принимал Валерий Михайлович.

– То есть они не будут читать?

– Просто не успеют. Застряли в аэропорту, идет очень сильный грозовой фронт, не могут вылететь. И почту им

не сбросить, там попросили отключить мобильники и ноутбуки. Но они вам доверяют.

– Пускай прочитают завтра.

Утром Аркадий должен был отправить текст. Ни днем позже. Конвейер не допускал простоя. День, от силы два на подготовку – и «мотор!».

– Завтра им будет не до того. И послезавтра тоже.

– Понял... Хорошо, отправлю.

– Спасибо, Аркадий Петрович.

Разумеется, он работал над «Огнем на поражение» (так назывался проект) не один, а в составе бригады сценаристов. Строго к определенному числу должен был сдать очередную серию. Сюжетов он не выдумывал, ему присылали синопсис – краткое содержание. Мог что-то менять, но по мелочи. Какие-либо несоответствия с остальными сериями устранял Валерий Михайлович.

Хорошо, что не требовали творить в офисе, как, например, в студии «Глобал», где сценаристы по восемь часов молотят в замкнутом пространстве под присмотром редактора с плетью.

«Огонь на поражение» был типичным представителем криминального «мыла», снимаемого по лицензии, купленной у французов. С русской поправкой на кровь. У французов ее было раза в три поменьше. Рейтинг, словно индейские боги, требовал кровавых жертвоприношений. Можно было убить больше, но меньше – ни в коем случае. Реквизиторы

не успевали подвозить бутафорскую краску на площадку.

Сценаристов, как и актеров, не баловали материально. Один попытался поднять планку гонорара, но тут же был заменен штрейкбрехером. А устраивать забастовку, как в Голливуде, никто не решался по этическим соображениям.

Концепция проекта тоже не отличалась оригинальностью. Несколько ментов в исполнении малобюджетных звезд из серии в серию ловили таких же низкобюджетных злодеев. Причем, как правило, злодеев из интеллигентской или богемной среды. А откуда же еще маньякам да извращенцам браться? Не из трудящихся же и уголовников.

Менты, разумеется, побеждали. Публике это нравилось. На то они и сказки, чтобы нравиться. В тонкостях милицеской работы Аркадий особо не разбирался. Да и чего там разбираться? Лишь бы погонь со стрельбой побольше да бандиты пострашнее.

Историю, которую он сегодня заканчивал, похоже, придумал человек, явно переборщивший с травкой. Несколько интеллигентов в масках грабят банк и захватывают заложников. Охранника образцово-показательно мочат. Изымают бабки вкладчиков из хранилища, после чего требуют у властей зеленый коридор до аэропорта. Среди заложников оказываются мужчина и женщина. Находясь в плену, они знакомятся, изливают друг другу душу и, естественно, влюбляются. В финале героические менты штурмуют банк, разгоняют злодеев, но один из освободителей нечаянно стреляет

в женщину, которая красиво умирает на руках не успевшего отлюбить ее мужчины. Для Франции, возможно, обычная история, но для нас...

Но, как говорится, лицензионному продукту в зубы не смотрят. Такая, в общем, криминальная драма, в которую каким-то образом необходимо засунуть рекламу стирального порошка, таблеток для повышения потенции, тренажера для пресса и сухого корма для хомяков. Причем не просто показать их в кадре, но и обыграть в сюжете. Единственным ноу-хау продюсеров были закадровые стоны. Примерно как закадровый смех.

Автор усилил сценарий еще парой покойников, банковскому служащему разбил голову, а влюбленному мужчине для большего драматизма прострелил коленку.

После перерыва «на чат» ему оставалось доделать последнюю сцену, в которой мент нечаянно прикончит женщину, и отправить материал режиссеру.

Но тут вмешался Основатель.

И предложил иной сценарий.

...Аркадий сходил на кухню, глотнул воды, вернулся за компьютер, но вдруг замер, словно на стоп-кадре. Между платяным шкафом и рабочим столом появилась дверь. Самая настоящая деревянная дверь. С наличниками и золотистой ручкой. Причем вела она не к соседям, а... на улицу. Прямо с третьего этажа!

Он громко икнул, затем бросился к окну, открыл его и,

перегнувшись через карниз, выглянул наружу. С внешней стороны ничего особенного. Стена и стена. Сверкнула молния, порыв ветра едва не опрокинул его с карниза. Грозовой фронт.

Захлопнув окно и задернув штору, он осторожно подошел к двери и взялся за ручку. Током не ударило. Ручка не двигалась.

Погладил рукой деревянную обшивку. Перекрестился, хотя в Бога не верил.

Схватил бутылку, залпом выпил до дна остаток коньяка. И только потом понял, что погорячился с алкоголем.

...Неужели «белочка»?! Сколько он работает над «Огнем»? Пятый месяц. Последние три – с употреблением. Почти каждую ночь... Растянутый запой. Да еще сюжеты полумные. Тут не только двери начнут мерещиться! Всё, дописался!

И еще сцену доделывать! Да какая, к черту, сцена! Тут у нас посерьезней сюжетец!

Он попытался сосредоточиться, вспомнить, что читал о белой горячке. Какие у нее симптомы, кроме галлюцинаций? Сколько надо выпить, чтобы она наступила? Вспомнил, что она случается, когда резко бросаешь бухать.

Аркадий ущипнул себя за руку, почувствовал боль. Значит, не всё потеряно. Взглянул на текст. Буковки, конечно, слегка прыгали, но реплику героя он прочитал и смысл уловил. Если бы он находился в горячке, вряд ли бы понял.

Спокойно! Надо позвать кого-нибудь и спросить, видит ли он дверь? Вместе с ума не сходят!

Кого? Соседей!

Он быстро сменил треники на джинсы, натянул поверх майки футболку. Через минуту позвонил в квартиру напротив, но, увы, никто не открыл. Скорее всего сосед умотал на дачу. На всё лето.

Спустился на второй этаж, повторил попытку. Но хозяйка, старушенция, держащая семь вонючих кошек, категорически заявила, что двери ночью не откроет. Опасается, мол, вооруженного разбоя.

– Да даже если и сосед?! Иные соседи хуже фашистов! Утром открою! Не мешайте спать!

В следующей квартире долго узнавали, что хочет Аркадий:

– Какая еще дверь? Выпили, так сидите дома и не морочьте людям голову.

Он вернулся ни с чем. Дверь не исчезла. А может, это парейдолический эффект? Когда на стенах, например, вырастают цветы или появляются картины. Или зимой видишь лето. Случается от переутомления...

Нужен свидетель! Если скажет, что никакой двери нет, значит, можно смело и уверенно вызывать психиатрическую бригаду. Укол галоперидола, и всё пройдет.

Аркадий вернулся в комнату, еще раз выглянул в окно. Никого... Да если б кто и шел, как его заманить в квартиру?

«Не хотите ли приятно провести время? Не бойтесь, я не ма-
няк, просто херня всякая мерещится».

Клуб! «Убежище»! Можно познакомиться с кем-нибудь
и пригласить! Да! Это выход!

Он вытащил из шкафа черный вельветовый пиджак с по-
тертыми локтями, надел ботинки. Захлопнул дверь и слетел
вниз.

На рамке его обыскали, ничего запрещенного не нашли,
но пропускать не хотели, дескать, дресс-код не подходит.
Аркадий показал наличность, после чего охрана посторони-
лась. Коньяк на ночном прохладном воздухе частично вы-
ветрился, реальность он воспринимал более-менее адекват-
но.

В дальнем углу он обнаружил свободный столик-грибок
и сразу плюхнулся на стул. Наверное, он выглядел не очень
современно, хотя, говорят, вельвет снова вошел в моду.

«Надо же, из бомбоубежища клуб сделали... Или это то-
же парейдолический эффект? Блин, а музыку нельзя потише
сделать? Хоть на пару минут! Мне ж познакомиться надо».

– Здравствуй!!! Скучаешь?!!

Он повернулся на голос. Рядом пристроилась девица лет
восемнадцати<197>двадцати. С зелеными губами, в лило-
вых лосинах и блузке, скрывающей острую грудную недоста-
точность.

– Конечно, скучаю! Не видно разве?!

Приходилось орать, перекрикивая музыку.

– Я составлю компанию?! Не возражаешь?! – Девушка сразу перешла на «ты», что говорило о серьезности ее намерений.

– Не возражаю! Составляй!

– Меня Катей звать! А тебя?!

– Аркадием... Петровичем. Как Гайдара!

– А кто это?!

– Так... Артист один!

– Класс! Коктейлем не угостишь?

– Легко! Хоть двумя!

Он сделал знак продирающемуся сквозь толпу официанту, заказал пару коктейлей.

– А ты местный?!

– Да!

– А я из Великобельска! От слова «белочка». У нас белок много... А здесь учусь! А ты кто?

Опять «белочка». Ох, неспроста это, неспроста!

– Сценарист!

– Ух ты! Правда?!

– Правда! «Мой любимый дядюшка», «Право на выстрел», «Огонь на поражение»!

– Класс! А Гошу Куценко видел?!

– Видел!.. Слушай, чего мы глотки надрываем? Пойдем ко мне, я тут рядом живу! Поговорим спокойно, коньячку дернем! У меня монпансье есть.

– Ура!

С Катиного лица можно было писать рождественскую открытку.

До дома пришлось бежать, начался дождь. В подъезде Катя принялась отряхивать ладошкой воду с Аркадия. И делала это весьма профессионально.

Н-да... А говорят, сюжеты у нас в кино не жизненные. Еще какие жизненные. Вот так интеллигенты и заманивают дурочек в логово. Сажают на цепь, насилуют, а потом стихи читают собственного сочинения или письма любовные.

В квартире Катя по-хозяйски прошла в комнату и, прищурившись, взглядом математика обвела апартаменты, высчитывая полезный метраж. Не ахти, конечно, но зато потолки высокие, можно второй этаж сделать.

– Ты один живешь?

– С продюсером. Но он бывает не каждый день.

– А я в общежитии. Скучно там.

Дверь по-прежнему чернела на стене. Аркадий подозвал Катю и показал на нее пальцем.

– Ты что-нибудь видишь?

– Ничего...

«Фу-фу-фу... Слава богу... Значит, все-таки обычная «белочка». Ура! Здорово! Просто счастье!»

– Дверь как дверь... У тебя там еще комната? Или ванная?

И это очень огорчило... Если не сказать больше... Запахло концом света.

– Так... Пошла на хер отсюда, шалава великобельская!!! –

Он махнул рукой, зацепив стопку листов с распечатанным текстом. Листы, словно белые чайки, закружили по комнате и медленно приземлялись на пол.

– Аркадий... Вы что?!

– Не вы, а ты! Уматывай в свое «Убежище», сопля зеленая! В общаге ей скучно! В цирк иди, там весело!

– Но... ты же... сам... Монпансье... Коньяк...

Прекратив дискуссию, он схватил слегка сопротивлявшуюся Катю за руку и выволок на площадку.

«Пидор!» – услышал Аркадий, захлопнув дверь.

Но это его не тронуло. Волновало другое. Что теперь делать?!

Для начала – проверенное средство. Открыл бар, схватил вторую бутылку «Багратиона», зубами вырвал пробку, сделал несколько глотков. Занюхал компьютерной мышкой.

«Что он там хотел?.. Эй, как тебя... Основатель! Чего, спрашиваю, ты там хотел?! Какие тебе доказательства нужны?! Помог бы лучше последнюю сцену написать. Концом света все угрожать горазды! А мне сегодня текст сдавать!»

Аркадий поставил бутылку, постарался взять себя в руки. Сел на диванчик. Гул в голове мешал сосредоточиться.

«Предлагает отправиться куда захочу... А куда я хочу? В Диснейленд я хочу. Не был никогда... С горки прокатиться... Может, сгонять напоследок?..

Кто он такой? Господь Бог? Вроде говорил, что да. И что с того? Я, может, тоже бог, хоть и не умею фокусы с дверьми

показывать...»

Вспомнилась фраза одного французского писателя: «Только Бог и сценаристы повелевают человеческими судьбами, но никто не знает их в лицо».

«Да, я тоже повелеваю судьбами! Хочу убью, хочу воскрешу! И даже Бога могу сделать простым смертным, а смертного сделать Богом! Я круче в тысячу раз! Несколько ударов по клавишам, и раб превращается в господина, нищий в богатого, больной в здорового! Слабо тебе так, Основатель?.. Может, посоревнуемся? Молчишь?!»

Аркадий снова начал закипать.

«Никто не знает нас в лицо? Так давай исправим это положение. Ты увидишь меня, я тебя. Выпьем по рюмашке на брудершафт, подискутируем о смысле жизни. Через чат-то как-то не по-человечески. И не по-божески. Ну что, готов принять гостя? Накрывай поляну!»

Он вытер рукавом пиджака мокрый от дождя лоб, встал с дивана, взял бутылку и решительно шагнул к двери. Судя по расположению петель, она открывалась наружу. Достаточно повернуть ручку и толкнуть.

«Я хочу попасть к Основателю», – словно волшебное заклинание произнес про себя Аркадий и взялся за ручку.

Но она не двигалась.

– Что, не пускаешь? – Он еще раз безуспешно подергал ручку. – Боишься? Какой же ты, в задницу, Основатель?! Открывай! Ну!.. Я же петли срежу! У меня «болгарка» есть!»

Основатель не желал никого впускать в свои апартаменты. Ничего удивительного, это его святое право. Никто не должен его видеть. Как в старом анекдоте про художника. «Что вы нарисовали?! Где вы видели Бога в ботинках?!» – «А где вы видели Бога без ботинок?»

– Нет, ты меняпустишь! За базар отвечать надо! – Аркадий отступил на пару шагов и с разбегу ударил плечом в дверь.

С таким же успехом он мог ударить в Кремлевскую стену. Не достучишься.

– Открывай! Открывай, слабак! – Кулаком он въехал по обшивке, затем опять отхлебнул из бутылки. – Я тебе сейчас объясню свое предназначение! Конец света он, видишь ли, задумал!

Аркадий повернулся, снова отступил к столу, чтобы совершить очередную попытку штурма. Сценаристы, вперед!..

Нечаянно наступил на валявшийся на паркете лист сценария и поскользнулся. Нога пошла вперед, он, соответственно, опрокинулся назад, прямо на дверь. (««Багратион» – почувствуй вкус победы!»)

Но, прежде чем удариться о дверь, он успел произнести про себя вполне уместную в таких случаях фразу:

– Твою мать! Сценарий долбаный!

Дверь неожиданно распахнулась, и Аркадий с криком полетел вниз...

– Лис, здесь еще один! В сортире прятался!

– Я ж говорил, проверь!

– Да я проверял! Вроде не было! В бачке, наверно, сидел.

– Волоки к остальным! Обыскать не забудь!

Первое, что увидел перед собой Аркадий, была чья-то рожа в маске белочки. Второе – ствол помпового ружья, нацеленный ему в лоб. И третье – дверь с табличкой «М», из которой он, собственно, и вывалился.

«Опять белочка!»

Пока он соображал, куда провалился, здоровенная рука в перчатке вывернула его карманы. На пол полетели связка ключей и упаковка таблеток для повышения потенции «стойрофен», рекламу которых постоянно крутили по ТВ. Как в его пиджаке оказались пилюли, Аркадий понятия не имел, он пока не жаловался на проблемы с потенцией.

Бумажник с деньгами переместился в ветровку «Белочки».

– Алло, уважаемый, в чем дело?! Отдайте бумажник!

Он попытался вырваться, но тут же получил ружейным прикладом по левой почке, взвыл от боли и больше не сопротивлялся. Второй удар, теперь уже тяжелым ботинком в нижнюю часть поясницы, опрокинул его на мраморный пол холодных тонов. Он заскользил вперед, пока не уткнул-

ся в женскую ножку правильной формы. Поднял глаза. Лицо тоже правильное. Очень правильное. И сильно испуганное.

– Вы не ушиблись?

Ей было не больше двадцати пяти. Короткая, аккуратная прическа. Блондинка, стройная фигурка, голубые глаза, аромат Елисейских Полей, яркая помада, глубокое декольте, прикрытое легким шарфиком. Мини-юбочка, высокий каблучок. Классика жанра.

– Не ушибся.

Аркадий сел на пол, потер бок и, наконец, огляделся.

Он находился в зале какого-то банка, если судить по застекленным стойкам с соответствующими надписями. Банка небольшого по размерам, но достаточно зажиточного – зал был отделан дорогими материалами, украшен старинной люстрой, а потолок позолоченной лепниной.

Метрах в десяти от него, на полу в осколках стекол спиной кверху лежал секьюрити. В районе головы лужа крови веером. Именно «в районе», потому что самой головы просто не было. Так, кровавые ошметки... Часть мозга бедняги прилипла к стенду с объявлениями и рекламой выгодных кредитов. Видимо, стреляли в упор...

Входную дверь подпирал опрокинутый стол. Возле которого с поднятыми руками стоял молодой мужчина в банковской униформе. Живой щит. Жалюзи на окнах были плотно сдвинуты, но, судя по пробивающемуся сквозь них свету, сейчас был день.

Вдоль центральной стойки, на полу, словно окурки в пепельнице, закрыв головы руками, сидели и лежали человек семь в такой же униформе и пяток клиентов. Персонала явно маловато, в солидных банках трудится гораздо больше народа. Да и охранников с десятков, не меньше, а тут всего один. Впрочем, возможно, сегодня выходной либо это маленький банк.

Некоторые женщины плакали, но никто ничего не говорил, видимо, получили приказ заткнуться. Над ними, с помповым ружьем наперевес, возвышался «Белочка». Еще двое, соответственно, «Мишка» и «Зайчик», перегружали деньги в рюкзаки из металлических ящиков, которые приносил из хранилища «Кот». Последний боец в образе «Ли\$са» наблюдал за улицей, держа на мушке пистолета затылок клерка. Возможно, в хранилище был еще кто-то, взламывавший ячейки.

Снаружи доносились вой милицейских сирен, хриплые крики в мегафоны, предлагавшие сложить оружие и выпустить заложников.

«И кто ж из них Основатель? «Мишка» или «Белочка»? С кем диспут зачинать?»

Самое интересное, опьянение мгновенно исчезло, словно он принял отрезвляющего лекарства. Основатель свой хлеб ел не зря – подобные трюки Геллеру и не снились...

– Убирайтесь! – заорал в форточку «Лис». – Иначе начнем валить людей!

– Какие ваши условия?! – донеслось с улицы.

– Убрать, на хер, спецназ и подогнать к дверям автобус!.. До аэропорта зеленый коридор!.. Через десять минут не будет – получите первого покойника!

Для убедительности «Лис» выстрелил в потолок, повредив лепнину. Заложники вскрикнули, втянули головы и зажали уши руками.

Аркадий тоже вздрогнул от грохота выстрела. Блондинка зажмурилась и практически легла на пол.

«Где я мог слышать этот диалог? Я его определенно однажды уже слышал. Дежавю? Может, вместо божественных покоев я оказался в одной из своих прежних жизней? Основатель нахалтурил? Боги, говорят, тоже ошибаются».

С улицы снова попытались вступить в переговоры:

– Мы выполним все ваши условия. Выпустите хотя бы женщин и детей.

«Какую ерунду они несут! Это же банк, а не детский сад! Откуда тут взятыся детям?»

...Ерунду?!!

Он вдруг понял, где слышал этот разговор! Да что значит слышал! Он же сам написал его! В серии, которую не успел закончить! Банк, заложники, любовь...

Ох, мамочки! Получается...

Получается, он попал в собственный сценарий! Поэтому и персонала немного, и всего один охранник, чтобы не было столпотворения в кадре. Небольшой кинематографический

допуск.

Но как? Он же хотел увидеть Основателя! Почему тогда он здесь, а не у Него?

Потому что...

Он наступил на упавший лист сценария, поскользнулся и...

«Долбаный сценарий!»

Всё ясно. «Вы можете выбрать любое место и время...»

Выбрал, блин! «Огонь на поражение»!!

Стоп, тогда получается, вовсе это не бандиты и заложники, а просто актеры и статисты. Но где тогда съемочная группа, где режиссер Игорь? Где передвижная кухня с кинокормом, в конце концов?

Нет, это не съемки... Это по-настоящему! Никакого кино! Никаких декораций! Никакого корма! Всё живую. И мертвый охранник тоже не статист. И кровь – не кетчуп...

Вспомнилась еще одна цитата. На рабочем столе Аркадия лежал сборник высказываний знаменитых людей, в который он периодически заглядывал, дабы вложить в уста персонажа какую-нибудь умную реплику. Некоторые фразы оседали в памяти. Эта принадлежала, кажется, Эйнштейну. «Бог изощрен, но не злонамерен».

Да уж... Еще как изощрен! Прямо садист какой-то... Засунуть автора в его же собственное произведение!

Техническая сторона вопроса Аркадия волновала мало. Он же Основатель – ему законы материального мира по ба-

рабану.

Но на всякий случай надо убедиться, что догадка верна.

Сценарист подошел к блондинке и прошептал:

– Простите, а вы из какого театра?

Блондинка с удивлением посмотрела на него и также шепотом ответила:

– Я не из театра... Я стоматолог. Вернее, помощник стоматолога.

Стоматолог... Да, именно такую профессию он решил дать героине. Еще выбирал, что лучше – учитель или врач. А потом вспомнил, как недавно лечил зубы в одном частном кабинете. Врачу ассистировала молодая блондинка с голубыми глазами. В марлевой повязке. Она так нежно уговаривала Аркадия не бояться, что он невольно запомнил ее образ. И воплотил в сценарии. И даже дал подлинное имя с бейджа на халате. Правда, фамилию не придумал – в кадре она не звучала, нечего путаницу вносить.

– А вас, случайно, не Валерией звать?

– Ой... А мы разве знакомы?

– Я лечил у вас кариес... Месяц назад. По тысяча двести за зуб. В кабинете на Садовой. Возле «Апрашки».

– Да... Погодите, погодите... А вы, кажется, Сергей.

– Аркадий.

– Странно. Мне казалось, Сергей. Хотя, я, возможно, ошибаюсь, у нас много пациентов, всех не запомнить... Представляете, какая нелепость. Я зашла сюда буквально

на секунду, посмотреть курс валют. Возвращалась из зоомагазина, купила корм хомячку и заглянула. Хороший, кстати, корм, «Грызунчик» называется. Рекомендую. В нем правильно сбалансирован минеральный комплекс и много витаминов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.